

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ УФТИ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

А.С. Вайсберг и К.Б. Вайсельберг

У австрийских физика Алекса Вайсберга и химика Конрада Вайсельберга общая судьба. Они вместе учились, дружили с юных лет, обоим увлекла романтика социалистического строительства в СССР и оба они в начале 30-х годов приехали работать в Харьков. Друзья жили в одной квартире по улице Чайковского и были арестованы с интервалом всего в несколько дней: 1 марта 1937 г. — А. Вайсберг, 4 марта 1937 г. — К. Вайсельберг. На них было заведено одно общее дело по обвинению.

В дальнейшем, однако, судьбы их разошлись и это было отражено в разделении их дел. Примерно через полгода после ареста К. Вайсельберг был расстрелян. А. Вайсбергу удалось выжить, и не только выжить, но и рассказать в опубликованной им на Западе книге о том, что ему пришлось пережить в Советском Союзе. Эта книга вполне может заменить его досье, которым мы не располагаем и которое находится в Центральном архиве бывшего КГБ в Москве. Люди, которые смотрели это досье, уверяют, что его книга написана с величайшей степенью достоверности.

Публикуемый протокол допроса А. Вайсберга содержится в виде копии в деле К. Вайсельберга. Из других дел мы позаимствовали обзорные справки, благодаря чему, а также помещенной здесь части главы «Внутренняя тюрьма харьковского ГПУ» его книги, судьба А. Вайсберга, как нам кажется, прослеживается достаточно ясно.

Следует заметить, что в отношении А. Вайсберга и К. Вайсельберга сроки их пребывания под арестом дважды продлевались, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы. Содержание к тому же лишней раз говорит о том, насколько надуманными и абсурдными являлись выдвигаемые следствием обвинения и насколько фарисейски выглядит получение «разрешений» на продление сроков содержания арестованных под стражей для получения якобы каких-то изобличающих их «дополнительных данных».

**Уголовное дело по обвинению
Вайсберга Александра Семёновича и
Вайсельберга Конрада Бернардовича 9411,
архивный фонд № 016138, КГБ, Харьков.**

1937 год, май 23 дня

Я, оперуполномоченный 3 отдела УГБ ХОУ НКВД младший лейтенант госбезопасности Резников, рассмотрев дело № 9411 по обвинению Вайсберга Александра Семёновича и Вайсельберга Конрада Бернардовича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-4 УК УССР

Н А Ш Ё Л :

Вайсберг и Вайсельберг арестованы по обвинению в том, что прибыли в СССР из-за границы для проведения контрреволюционной троцкистской деятельности, находясь в СССР, связались с приехавшим из Дании троцкистом Плачком.

1. Дополнительным следствием и данными устанавливается, что Вайсберг, являясь правым, будучи за границей был связан с видными правыми, проводящими контрреволюционную террористическую и диверсионную работу в СССР — Карлом Франком (агент гестапо) и Вилли Шламмом.

А. С. Вайсберг

К. Б. Вайсельберг

2. Что в УФТИ существует две контрреволюционные вредительские группы (группа Ландау — троцкистская и группа Вайсберга — правая), объединившиеся в 1935 году в интересах срыва оборонных задач, поставленных партией и правительством перед УФТИ.

3. Что руководящая роль в указанных контрреволюционно-вредительских группах принадлежит видному правому, связанному с Бухариным, Орловым, имеющему связи среди ликвидированной террористической группы Николаева—Каталымова, Лейпунскому, подлежащему аресту совместно с другими участниками контрреволюционной группы (Шубникова, Розенкевича, Комарова и др.), что в связи с этим следствие требует больших действий и в указанный срок окончено быть не может и что срок содержания под стражей Вайсберга истекает 1.04.37, а Вайсельберга 4.04.37

ПОСТАНОВИЛ :

Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о продлении срока содержания под стражей на один месяц, т.е. до 1 июня 1937 года, обвиняемому Вайсбергу Александру Семёновичу и обвиняемому Вайсельбергу Конраду Бернардовичу. Ходатайство возбуждается вторично. Вайсберг содержится под стражей с 1.03, Вайсельберг с 4.03 1937 года.

Оперуполномоченный 3 отд УГБ лейтенант гос. безоп. *Резников*

Согласен: врид нач. 3 отд. УГБ капитан госбезоп. *Багдай*

Утверждаю: зам. нач. УНКВД по Хар. обл. капитан госбезоп. *Гришин*

Постановление

г. Харьков, 20 июня 1937.

Я, врид нач. 1 отделения 3 отдела лейтенант госбезопасности Резников, рассмотрев дело № 9411 по обвинению Вайсберга Александра Семёновича и Вайсельберга Конрада

Бернардовича в преступлениях, предусмотренных ст.54-11 и 53-4 УК УССР.

НАШЁЛ :

Вайсберг и Вайсельберг арестованы по обвинению в том, что прибыли в СССР из-за границы для проведения контрреволюционной троцкистской деятельности и, находясь в СССР, связались с приехавшим из Дании троцкистом Плачеком.

Дополнительными материалами следствия установлено, что Вайсберг является руководителем контрреволюционной диверсионной террористической организации в Харькове.

Вайсберг по заданию прибывшего из Германии Рубинштейна Григория создал в Харькове террористическую группу в составе Лессик и Зауберера, ведших подготовку к совершению теракта над товарищами Сталиным и Ворошиловым; что подтверждение о терроре против руководства ВКП(б) и советского государства Вайсберг получил от Вилли Шламма при встрече с ним в Праге в 1935 году.

Что в настоящее время нами проводится арест Лессик, Мушек и иноподанных Цигнера, Инфлянцера, Зауберера и других.

Что в связи с этим следствие в указанный срок окончено быть не может и что срок содержания под стражей Вайсберга истекает 1.07.37, а Вайсельберга 4.07.37.

ПОСТАНОВИЛ :

Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР продлить содержание под стражей сроком на 1 месяц до 1 сентября 1937 года обвиняемого Вайсберга Александра Семёновича и Вайсельберга Конрада Бернардовича до 4 сентября 1937 года. Вайсберг содержится под стражей с 1.03.37, Вайсельберг с 4.03.37. Ходатайство возбуждается 4-й раз.

Резников

Ниже приводится часть главы «Внутренняя тюрьма харьковского ГПУ» из уже цитированной нами книги А. Вайсберга, в которой описывается «большой конвейер» — своеобразная система выбивания «показаний» из арестованных, которую «прошел» и А. Вайсберг.

Большой конвейер

«Холодногорская тюрьма находится на окраине Харькова. Я проезжал мимо неё почти ежедневно по дороге на работу в Опыт-

ную станцию. Снаружи всегда можно было видеть заключённых, прижавшихся к оконным решеткам. Они представлялись мне полулюдьми, и я всегда содрогался, когда их видел. Теперь я уже не могу припомнить, какие чувства тогда овладевали мной — полускрытого страха или стыда за то, что делается в стране, строящей социализм. Во всяком случае, я всегда радовался, когда автомобиль проезжал тюрьму и можно было больше не отводить взор.

Тюрьма была старая, построенная ещё при царе. Наш фургон пересёк металлические ворота, мы вышли из него и приблизились к небольшой калитке. Часовой, который стоял у входа, проверил наши документы и пустил внутрь. Мой конвой отвёл меня, как я узнал об этом позже, во второй блок Т-образного четырёхэтажного здания. Вертикальная часть «буквы Т» содержит пятьдесят малых камер, «горизонталь» же состоит из двадцати больших. Меня привели в малую камеру размером примерно 2 на 4 метра. Кажется, то была камера № 37. До революции она использовалась как одиночка, но сейчас была оборудована тремя местами для спанья. К одной из стен были прикреплены две опускающиеся полки, которые днём поднимались. Ещё одна такая полка находилась возле противоположной стены. Когда эти полки опускались, между ними оставался проход шириной примерно в 30 см. Окно размером в квадратный метр находилось так высоко, что выглянуть в него я мог, только ухватившись за прутья решётки и подтянувшись на руках или подставив стул. В камере был небольшой стол и два

стула. Когда меня оставили в камере одного, я сразу же взобрался к окну, чтобы сориентироваться. Тюрьма была окружена двумя concentрическими стенами. Собственно тюрьма находилась на территории, ограждённой внутренней стеной. Пространство между внутренней и внешней стенами принадлежало охране, там же находилось несколько административных зданий и был разбит небольшой сад, где по вечерам молодые парни и девушки танцевали под гармошку...

Через несколько дней я был вызван на первый после прибытия на Холодную гору допрос. Допросы в тюрьме не проводятся, а только в резиденции ГПУ и меня привезли туда на машине. Но вместо того, чтобы препроводить прямо в кабинет следователя, отправили в подвальное помещение внутренней тюрьмы. Когда мы проходили длинными коридорами, у меня сложилось впечатление, что камеры переполнены. Заключённых с Хо-

лодной горы, прибывающих на допрос, обычно отвозят назад где-то в семь-восемь вечера, а то и позже. Иногда их содержат в этих подвальных камерах до тех пор, пока не придёт время идти на допрос. Обычно это бывает на следующую же ночь, но иногда их держат в камерах по несколько суток. Тюремные фургоны отправляются на Холодную гору где-то в шесть утра. Заключённые, которых не успели допросить ночью, остаются в подвале. Случалось, что людей там держали по несколько месяцев без права идти домой. Для большинства из них это было невыносимой мукой.

Летом 1937 года ГПУ ещё держало меня в полной изоляции от других заключённых. На это в моём случае, который считался очень важным, тратилось много времени и энергии. Поэтому меня заперли в отдельную камеру. Но через несколько месяцев это стало невозможным, поскольку все камеры переполнились. Заключённые часто целую ночь были вынуждены стоять, прижавшись друг к другу, так что камера напоминала собой консервную банку с вертикально упакованными сардинами. Когда надзиратель открывал дверь, чтобы затолкать в камеру ещё одного заключённого, он часто потом не мог её закрыть, поскольку плотно упакованная масса людей несколько расширялась. Эта камера для ожидания во внутренней тюрьме ГПУ называлась «брехаловкой», что в переводе на немецкий язык обозначает что-то вроде «информационного клуба», поскольку здесь имели возможность встретиться заключённые всех Холодногорских камер. «Брежаловка» была самым существенным «проломом» в стене тюремной изоляции. Именно она связывала между собой изолированные группы в сотнях различных камер и превращала их в единый гомогенный тюремный коллектив. Тех, кто возвращался из «брежаловки», немедленно окружала вся камера и жадно выслушивала новости.

Я провёл в своей камере ночь и половину следующего дня, прежде чем был вызван к Резникову, который ожидал меня стоя.

«Я только что получил информацию о Вас из Луганска, — провозгласил он торжественно. — Вы совсем не тот, за кого себя выдаёте. Вы не мелкая пешка, а гроссмейстер контрреволюции. Вот, читайте!»

Он подал мне несколько страниц протокола. «Я начал читать. Прочитав пару страниц, я спросил Резникова:

«Гражданин следователь, скажите откровенно, принимаете ли Вы всё это всерьёз или хотите только поиздеваться надо мной?»

«Обвиняемый, — молвил Резников почти набожно, — я предостерегаю Вас против продолжения Вашей старой игры. Это очень серьёзно. До сих пор мы не знали Ваших связей и не понимали, кто Вы такой. Но теперь благодаря признаниям Влаха и его соучастников мы распутали всю сеть созданной Вами на Украине контрреволюционной организации. Все Ваши пособники уже находятся под арестом. Влах в Луганской тюрьме, Ступин — в Киевской, Лессинг тут, остальные в Днепропетровске или Харькове. Все они признались и все обвиняют Вас. Мы имеем уже двадцать свидетелей, которые обвиняют Вас в терроризме, шпионской и диверсионной деятельности. До сих пор мы имели лишь догадки и подозрения, теперь же мы держим в своих руках все нити заговора. Мелочи, которых мы ещё не знаем, Вы сейчас нам сами расскажете».

«Гражданин Резников, если так будет идти дальше, то я просто сойду с ума. Всё это не что иное как сплошная фантазия».

...Бедняга Влах был арестован в 1937 году. Вот что писал он в своих показаниях:

«Вайсберг возглавлял нашу организацию. В 1934 году он произнёс речь о текущем моменте, в которой призвал нас работать в трёх направлениях с тем, чтобы ускорить падение советской власти. Приближалась война и с её началом мы должны были взорвать ряд важных объектов в Харькове. К тому времени нужно было устроить на работу на харьковские заводы надёжных людей из числа иностранных работников. Он также обращал наше внимание на важность шпионской работы. «Наша главная задача, — говорил он, — освободиться от партии и советского правительства. Сталин и Ворошилов должны быть уничтожены». Вайсберг подобрал среди нас надёжных людей и стал готовить их к террористическому акту... Он отобрал двух здоровяков и пообещал им оружие, которое собирался раздобыть, пользуясь своими связями в Красной Армии. Эти два товарища должны были поехать на Кавказ, в местность, которая будет им указана. Сталин и Ворошилов обычно проводят там свои отпуска. Вайсберг сказал, что их надо убить так, чтобы это имело вид несчастного случая на охоте...»

Я был просто неспособен воспринимать эту белиберду всерьёз. Всё это не имело ни малейшего отношения к правде и я не думал, что оно может представлять для меня какую-нибудь опасность. Позже я собирался ознакомиться с этим документом подробней.

«Если бы Влах был один, — молвил Резников, — можно было бы предположить, что он намерен Вас обвинить, но ведь Лессинг

говорит то же самое, то же самое делает и Иоффе. Да и Меренбах свидетельствует о том же самом, причём совершенно независимо будучи в другом городе. Уже около десяти человек свидетельствуют против Вас. И Вы думаете, что мы поверим Вам, что всё это вздор?»

«Гражданин следователь, я понятия не имею о том, что можно сказать об этих показаниях, кроме того, что всё это чистой воды фантазия. Всё это не имеет ни малейшего отношения ни ко мне, ни к моим действиям. Я знал Влаха очень хорошо, это простой и честный парень, и я не верю, чтобы он сделал что-то против Советского Союза».

Резников встал. Бросил на меня лютый взгляд, его лицо покраснело от гнева. Медленно и угрожающе он двинулся в мою сторону. Я схватился и попятился в угол кабинета. Остановившись в шаге от меня он начал говорить сдавленным голосом:

«Ты осмеливаешься обвинять органы советской власти в подделке признаний? Влах сам признался в своих злодеяниях, а ты имеешь наглость отрицать их. Чего он должен был признаваться, будучи невиновным? Что твой преступный мозг ещё придумал?»

Я понял, что зашёл слишком далеко. Не мог же я сказать ему всю правду о том, что эти показания были выбиты под пытками. Такая правда могла стоить мне жизни. В будущем я должен быть внимательным и отрицать только то, что касается меня в этом фантастическом деле. Я не должен расписываться за других.

«Гражданин следователь. Я не знаю, в какое тёмное дело дал себя впутать Влах. Однако я никогда не поверю в то, что он на это способен. Одно я могу сказать с уверенностью: я к этому не имею абсолютно никакого отношения. Сегодня я впервые об этом услышал».

«На этот раз ты не выкрутишься, — возразил Резников. — Теперь мы держим тебя за шиворот. Твоя вина нам известна и ты прекрасно это знаешь. Нам уже не нужно твоё признание, чтобы осудить тебя, нам нужно загрести всё твою организацию. Ты должен назвать нам людей, которые тебя завербовали, и тех, кого завербовал ты. От кого ты получил директивы на террористические акты против руководства партии и государства?»

«Я ничего не получал!»

«Выкладывай все подробности об изменческой организации, которую ты создал на нашей территории!»

«Не знаю никакой организации».

То, что произошло потом, было для меня совершенно новой тактикой. Резников начал непрерывно выкрикивать одни и те же

вопросы. Вначале я давал на них одни и те же отрицательные ответы, а потом и совсем перестал отвечать. Я думал, что он тоже прекратит крик, но ошибся. Резников имел сильный голос и находил все новые и новые оскорбления, от которых покраснел бы любой уголовник. Через четыре часа, видимо, устав, Резников поднялся — я уже надеялся на конец допроса.

«У меня больше нет для тебя времени».

Я высказал своё сожаление, а он добавил: «Товарищ Вайсбанд продолжит допрос».

Моё сердце заняло несмотря на то, что Вайсбанд был наименее агрессивным среди помощников Резникова. Вайсбанд начал с отеческого совета быть послушным и сознаться: это поможет избежать многих неприятностей. Когда же он убедился, что его слова не дают желаемого эффекта, то прекратил свои советы. Некоторое время спрашивал меня о том, о сём. Я вяло отвечал, а он тем временем читал газету и занимался своими бумагами. Потом ни с того, ни с сего захотел узнать, действительно ли я собирался взорвать тракторный завод. Спросил, однако, об этом таким тоном, как будто речь шла о моих планах на отпуск.

«Допрос» продолжался до наступления ночи. Я был бесконечно вымучен. «Наверное, они скоро прекратят и отправят меня «домой», — думал я. Но случилось иначе. В десятом часу вечера Вайсбанд передал меня другому помощнику Резникова — Шалиту. Это был молодой человек 22-23 лет, имел светлые с пепельным оттенком волосы и был такой худой, что казался мальчиком. За время моих скитаний по тюрьмам я видел много следователей, но ни к кому я не чувствовал такой ненависти, как к этому Шалиту. Будучи марксистом, я всегда пытался анализировать процессы объективно и выявлять причины того или другого поведения действующих лиц. Я хорошо понимал, что все следователи являются просто маленькими зубками в гигантской машине порабощения. Я знал, что их подгоняют и что сами они должны были подгонять других, чтобы удержаться на плаву. Моё понимание ситуации как-то тормозило мою негативную реакцию на действия следователей. Всю свою ненависть я старался сосредоточить на главной пружине это дьявольского механизма — на самом деспоте и его ближайшем помощнике Ежове, руководителе ГПУ. Когда я мысленно возвращаюсь назад, я не чувствую ненависти к своим следователям... Но Шалит исключение.

Этот безжалостный и бессердечный карьерист имел очень маленький чин, что-то

вроде сержанта, но амбиций имел много. Ступеньками его служебного продвижения были тела и души доверенных его власти людей. В отличие от других следователей Шалит воспринимал свою работу серьёзно. Он внимательно читал газеты и очень хорошо знал, что контрреволюционное подполье позарез необходимо в текущем моменте, особенно после очередной речи Сталина или Ежова. Я не был уверен в том, был ли он настолько глуп, чтобы самому верить выдвигаемым им же против заключённых обвинениям, но его преследования отличались особой жестокостью и упорством. Даже Резников был более человечным и иногда прерывал допрос шуткой. Шалит же никогда себе этого не позволял. Он ненавидел заключённых уже за то, что они оказывали ему сопротивление, что не спешили немедленно подписать то, что он от них требовал. Каждое требуемое признание он воспринимал, как боевой индеец свежий скаल्प. Он немедленно бежал с ним к начальнику отделения. Шалит мог в течение шести часов без усталости повторять одну и ту же фразу, не высказывая никаких признаков нетерпения. Мне он часами выкрикивал через каждые две минуты:

«Рассказывайте о контрреволюционной, троцкистской, фашистской, террористической, диверсионной, шпионской организации, которую Вы создали на территории Советского Союза!»

Я пробовал варьировать свои ответы, чтобы заставить его хоть частично изменить приведенную выше фразу, повторение которой целыми часами просто сводило меня с ума. Ничего из этого у меня не получилось. Он повторял её сотни, тысячи раз одним и тем же тоном, с той же самой жестикуляцией, с тем же напряжением в голосе. Я использовал всё, что мог, в том числе логические трюки. Как-то я ответил:

«Гражданин следователь, я уже отвечал на этот вопрос в начале июня».

Он заколебался и попал в западню.

«Кто вёл протокол?»

«Лейтенант Резников»

«И что Вы ему сказали?»

«Сказал, что не создавал никакой контрреволюционной, троцкистской, фашистской, террористической, диверсионной, шпионской организации на территории Советского Союза!»

Подобная провокация была опасной, но ведь он мог довести до безумия. Я думал, что моя выходка его разозлит, но вместо этого он продолжал повторять один и тот же вопрос снова и снова своим громким и дребез-

жащим голосом. Иногда я удивлялся — зачем на такой работе использовать живого человека, а не, например, фонограф...

Я часто думал о том, действительно ли Шалит столь глуп. Неужели он неспособен что-либо сказать? Возможно, из-за недостатка изобретательности он боится вступать в спор с заключёнными и пускать в ход свои аргументы? Неужели ему не стыдно повторять одно и то же? Со временем, однако, я пришёл к заключению, что он не столь глуп, как мне сперва казалось. Я понял, что он совершенно не верил тем обвинениям, которые сам выдвигал, а потому не считал нужным вступать в споры с заключёнными, в которых не мог победить. Единственное, что он мог — это истощить подследственного физически, и он использовал свою методику с железной последовательностью и логикой и в этом не имел себе равных среди следователей. С позиций ГПУ он, конечно, был прав...

Наличие иностранного свидетеля или подсудимого в публичном процессе сразу придавало этому процессу вес и вызывало доверие к нему. Вот почему ГПУ так долго со мной возилось в первые шесть месяцев 1937 года.

Резников никогда прямо не говорил, что у него в голове. Делал он это только туманными намёками.

«Знаете, Вайсберг, Вы смешны, — сказал он как-то. — Вы признали свои враждебные по отношению к государству мысли, но хотите заставить нас поверить в то, что Вы сами пришли в контрреволюцию. Этого не может быть. Мы должны знать о Вашей организации. Вы не мелкий любитель. Вы крупная фигура. Вы и сейчас должны сыграть свою роль».

«То есть?»

«Вы должны помочь нам поймать действительно крупную рыбу в Москве и тем самым уничтожить последнее гнездо контрреволюции в нашей стране. В этом случае Вы сделаете нам большую услугу и не будете об этом жалеть».

«Вы верите, что контрреволюция тогда прекратит своё существование? — спросил я с напускной наивностью.

«Если бы не верил, я не был бы здесь, — ответил он серьёзно. — Мы уничтожим класс врагов и тем самым защитим фундамент безклассового общества. Наша партия усиливает свою бдительность по отношению к классовым врагам и мы раздробим их вооружённым кулаком, как бы не пытались они поднять голову. В то же время мы дадим этой стране самую демократичную в мире конституцию».

Мне часто приходилось страдать от ораторского искусства Резникова. Он только по-

вторял то, что читал в газетах, а я злился на себя за то, что боялся сказать ему, что думал. Я чувствовал себя, как тот несчастный крестьянин в голодном 1933 году, который, читая в газете о благосостоянии, которое принесла в село сталинская политика, жевал кору дерева.

После шести часов допроса Шалит встал и нажал кнопку звонка. Я вообразил что, наконец, меня отведут в камеру. Но нет. Несколькими минутами позже появился Резников — свежий и гладко выбритый. Я же был полумёртвый. Просидел на стуле четырнадцать часов без перерыва, не имея возможности даже подняться и расправить ноги. Раньше я думал, что стоять у стены часами — мучение. Сидеть же без перерыва — хуже во сто крат. В стоячем положении можно давать членам какой-то отдых, переступая с ноги на ногу. В сидячем положении всё время находишься в напряжении. В паху постепенно возникает опухоль и появляется мучительная боль.

Резников приказал мне встать и идти за ним в его кабинет.

Я обратился к нему:

«Гражданин следователь, я не способен к дальнейшему допросу. Прошу его прервать и дать мне хоть немного отдохнуть».

«Нет! — прозвучало в ответ. — Мы и так уже потратили много времени. Мы должны довести допрос до конца. Когда подпишешь, сможешь уйти».

Всё началось сначала. В течение двух часов Резников непрерывно кричал на меня. Я почти не отвечал. В восемь утра он вызвал конвоира.

«Отведите в камеру», — велел он.

Я шёл за конвоиром словно во сне, радуясь тому, что, наконец, иду «домой». Меня отвели вниз и разрешили зайти в уборную. Потом дали поесть. Еда была обильнее, чем обычно. Через десять минут отворилось окошко, и меня снова потащили на допрос.

Резников приказал мне сесть на стул. Мной почти не занимался. Принимал подчинённых, разговаривал по телефону, пересматривал бумаги и время от времени спрашивал: «Когда признаешься, ты, пёс?» Когда он говорил, я смотрел на него, не отвечая. Затем моя голова падала вновь. Когда же я начинал дремать, Резников будил меня громовым криком: «Просыпайся! Ты что, с ума сошёл? Спать в кабинете следователя? Признавайся и тогда будешь спать!»

«Гражданин следователь, это уже не допрос, это пытка. Прошу дать мне бумагу и карандаш, чтобы я смог написать прокурору о пытке».

«Во время допроса ты должен отвечать на поставленные вопросы и делать признания. После этого пиши прокурору, сколько хочешь».

«Когда окончится допрос?»

«Как только признаешься, не раньше».

«Мне не в чем признаваться».

«Значит допрос никогда не окончится».

Впрочем, не беспокойся, ты признаешься. Мы теперь находимся в новой фазе. Мы обвиняем тебя не в какой-то неопределённой агитации против советской власти путём разговоров, а фактами террористических покушений, диверсионной деятельности и шпионажа».

«Гражданин следователь, я глубоко уверен, что Вы сами хорошо знаете, как обстоит дело. Вы знаете, что эти обвинения фабрикуются от начала до конца. Какой Вам интерес заставлять меня признаться в неправде?»

Резников взрывается гневом. Он ударяет кулаком по столу и кричит:

«Ты, куча говна, фашистский провокатор! Даже здесь в тюрьме выступаешь против советской власти? Смеешь утверждать, что мы пытаемся вытащить из тебя фальшивое признание? Скажи мне это ещё раз и я напишу рапорт начальнику и попрошу посадить тебя в карцер № 3».

Я промолчал... Я сидел на стуле почти мёртвый, всё ещё надеясь, что вечером меня отправят «домой» на Холодную гору. Днём следователи менялись каждые четыре часа. В шесть вечера охранник вновь сводил меня на десять минут в подвал. В подвальных камерах полы были цементные, сами камеры — абсолютно пустые. Как только двери за мной закрылись, я сразу опустился на пол и мгновенно уснул. Меня разбудили и подали еду. Я хотел от неё отказаться, чтобы хоть немного поспать. Охранник этого не позволил и запретил лежать на полу. Я повиновался, не отваживаясь на явное непослушание. Через десять минут я снова был у Резникова.

Я всё ещё надеялся, что с наступлением ночи допрос будет прекращён и мне разрешат спать. Я не мог себе представить, что допрос будет продолжаться до тех пор, пока я не подпишу требуемые признания... Сидя перед Резниковым, я припоминал свой разговор с Рожанским. Конечно, он был агентом ГПУ, но, возможно, желал мне добра. Во всяком случае всё, против чего он меня предостерегал, осуществилось довольно скоро. Вначале они потребовали признания мелких провинностей: антисоветская агитация, сопротивление введению в институте военной тематики и так далее. Теперь уже терроризм, дивер-

сионная деятельность, шпионаж. Наверное, придётся, в конце концов, по совету Рожанского, всё подписать. Но какая польза думать об этом теперь — уже поздно. Нет ничего хуже диверсионной деятельности и шпионажа. Больше этого они ничего не могли придумать. Время для компромиссов прошло и единственное, что я смогу сделать — это капитулировать.

В полночь Резникова сменил Шалит. Новая фаза допроса явно началась. Бесконечный допрос! Позже я узнал, что он очень популярен в ГПУ. Заключённые называли его «конвейер» — бесконечная движущаяся лента. Обвиняемый допрашивается день и ночь, пока не сломится. Поскольку следователи имеют возможность возобновлять свои силы, это может продолжаться без конца. В 1936—1937 гг. в ГПУ ещё редко употребляли физические пытки. Физическое воздействие на заключённых было санкционировано свыше. Когда начались массовые аресты в августе 1937 года, жестокое поведение с заключёнными приобрело массовый характер. А до этого «конвейер» был основным средством физического влияния. Его, как правило, было достаточно. Он не такой болезненный, как другие пытки. Позже обнаружился его главный недостаток — кратковременность действия. Пока я не испытал его на себе, я не верил, что человек с крепким характером и нормальным здоровьем может капитулировать перед обычным допросом. Были заключённые, выдерживавшие любые пытки. Но «конвейер», как мне известно, выдержал только один.

«Конвейер» работает автоматически и молчаливо. После нескольких дней человек начинает опухать. Мышцы вблизи опухолей начинают невыносимо болеть, и эта боль продолжается всё время.

Шалит во время «конвейера» непрерывно и не без удовольствия кричит на свою жертву, но это лишнее. Все другие следователи терпеливо ждут, ибо время их союзник. У заключённого на «конвейере» нет выхода. Если бы был известен срок «конвейера», то заключённый, мобилизовавшись, возможно, и смог бы выдержать его до конца. Но ведь срока никто не определит. Я могу выдержать ночь, другую, а что дальше? Да и что с того? Ведь они могут продолжать это сколько угодно. В какой-то момент я все равно физически не выдержу и сломаюсь.

В течение второй ночи Шалит донимал меня непрерывно в течение восьми часов. Это был его рекорд. Я не пытался его перебивать. Глаза пекло, было ощущение, что голова рас-

калывается. Казалось, она охвачена раскалённым железным обручем, что сжимается всё сильней и сильней. Четыре часа Шалит беспрерывно повторял:

«Рассказывай о контрреволюционной, троцкистской, фашистской, террористической, диверсионной, шпионской организации, которую ты создал на территории Советского Союза!»

В конце четвёртого часа допроса он вызвал охрану и покинул помещение, наверное, пошёл в уборную. Когда возвратился, всё началось сначала. Несколько изменил текст фразы. Не помню уже точно, как она звучала, а заканчивалась так:

«На колени перед советской властью, ты, фашистский пёс!»

Когда в 8 утра его сменил Вайсбанд, я был близок к потере сознания. Вайсбанд позволил мне постоять несколько минут. Было это огромным облегчением. Мускулы мои расслабились. Я не врач и мало смыслю в патологии, поэтому не могу подробно описать изменение состояния во время «большого конвейера». Знаю только, что неподвижность всего тела в течение ряда часов вначале сильно изматывает, а через определённое время вызывает сильнейшие боли. Каждое изменение положения тела приносит определённое облегчение.

В этот день меня повели вниз поздно, где-то около девяти. Туалет, умывание, завтрак — все было кончено в течение десяти минут. Меня вновь привели в кабинет. Вайсбанд дружеским тоном начал наставлять меня на путь истинный:

«Вы долго не выдержите, Александр Семёнович. Кому от этого польза? Вы только губите своё здоровье. А конец всё равно будет один и тот же. Так почему бы Вам не сделать это сейчас?»

«Да, но что я могу сделать, гражданин Вайсбанд? Не могу же сознаться в преступлениях, которых не совершал. Зачем обманывать советскую власть? Кому от этого польза?»

Вайсбанд не стал спорить и казалось, что он согласен со мной. Он исполнял свои обязанности, но не мучил меня сверх меры. Он даже — а это было нарушение инструкций, ибо никто больше этого не допускал — время от времени разрешал мне вставать на несколько минут, чтобы я мог размяться и тем самым уменьшить мучения.

После обеда прибыл Резников, был он в прекрасном расположении духа.

«До каких пор будете нас мучить, — начал он весело. — Горе нам, что достались такому бандиту, как Вы. Дайте нам, наконец, покой».

Я промолчал...

Резников был крепкий, имел хорошее здоровье, наверняка любил поесть и выпить, не чурался женщин... Он умел по-своему радоваться жизни. Плохо было только то, что он избрал себе такую профессию, что должен был ломать человеческие жизни, если сам не хотел быть уничтоженным. Впрочем, не было видно, чтобы это обстоятельство его беспокоило. Он исполнял инструкции, а ответственность оставлял тем, кто эти инструкции ему давал.

Ещё придёт время, когда много следователей ГПУ окажется в своих собственных камерах, и я буду иметь возможность познакомиться с ними довольно близко и убедиться, что их психика очень близка к резниковой.

Резников всегда старался получать от своей работы удовольствие. Изобретал новые ругательства и все на сексуальную тему. Когда ему удавалось изобрести новое ругательство, он очень радовался. Всё это половодье грязи выливалось на меня и других заключённых в то самое время, когда партия и правительство проводили кампанию борьбы со сквернословием как пережитком капитализма. Сознательный пролетарий не должен сквернословить. Средством борьбы с матерщиной была грамота — людей учили читать и писать. Кампания имела достаточно большой успех и самые отсталые элементы поддавались агитации и бросали свои скверные привычки. Но только не ГПУ. Ругательства и матерщина здесь употреблялись систематически и вполне сознательно по отношению к заключённым. Делалось это с большим удовольствием. Это был способ запугать и унижить. И делали это люди, ранг которых соответствовал генералам Красной Армии.

Но эта методика на меня не действовала. Они унижали не меня, а себя. Мне же это нравилось, ибо вносил в мою жизнь какое-то разнообразие. Мне нравилось наблюдать, как Резников пытался отыскать новые вершины, которые смог бы покорить, а также новые пропасти. Беда была с Шалитом. Он, действительно, представлял собой отвратительное создание без какой-либо фантазии. Он мог повторить одно и то же гадкое ругательство сотни раз без каких-либо вариаций или повторить сто раз, что угодно, то, что пришло в его голову.

Начиная с третьего дня «конвейера», моё физическое состояние начало быстро ухудшаться. Боли в области таза стали совершенно невыносимыми. Время от времени будучи не в силах больше терпеть я вскакивал со стула. Настало время, когда угрозы сле-

дователей уже перестали на меня действовать. Вайсбанд, наиболее человечный из этой тройки, позволял мне иногда постоять. Иногда это позволял и Резников, когда видел, что я близок к обмороку.

Выделяемое мне питание по-прежнему было хорошим, суп был очень жирным. Начиная с четвёртого дня мне уже не разрешали покидать кабинет следователя, еду приносили мне на место. Так я лишился последних десяти минут отдыха и прогулок вниз и вверх. В уборную меня сопровождал следователь с часами в руках. Мне не позволяли закрывать дверь, и следователь всё время торчал передо мной — несколько недель назад какому-то заключённому удалось повеситься в клозете.

Время от времени, когда я принимал пищу, в кабинет заходил начальник отдела капитан Торнуев. Своим густым вялым голосом он уговаривал меня съесть всё.

«Не оставляйте ничего в тарелке, — говорил он. — Если что-то останется — перейдём на принудительное питание. А это не понравится ни Вам, ни нам».

Я не мог понять, зачем он меня пугает. «Конвейер» не портил мне аппетит. Ел я охотно и к тому же это был какой-то перерыв в допросе. Позже я узнал, что беспокоило Торнуева: заключённый мог сократить свои муки, отказавшись есть и пить. Через день-два он падал со стула в блаженном беспомоществе. К сожалению, я до этого не додумался. В 1938 и 1939 годах я не раз объявлял голодовки по гораздо менее значительным поводам.

На четвёртые сутки моё тело свело судорогой. В это время дежурил Вайсбанд, который очень испугался.

«Что с Вами, Александр Семёнович? Вам плохо?»

«Я, наверное, умираю».

«Встаньте и разомнитесь, Александр Семёнович. А я Вам дам прочитать заявления Влага и других. Когда прочитаете, дам Вам карандаш и бумагу и Вы напишете Торнуеву, что Вы об этом думаете».

Он, действительно, дал мне карандаш и кусок бумаги. Я с удовольствием сел за стол и начал писать опровержение на это бессмысленное обвинение. Я писал уже полчаса и стал чувствовать себя значительно лучше, когда внезапно появился Резников. Он сразу всё понял, вырвал из моих рук бумагу и велел идти за ним. Мы оставили Вайсбанда в состоянии крайнего удивления и перешли в кабинет Резникова. Резников будучи большим мастером своего дела понимал, что даже маленький перерыв в процессе является большим облегчением для заключённого и может перекрывать «труды» нескольких дней.

«Слушайте сюда, Вайсберг. Я не чудовище, но мы должны довести дело до требуемого конца. Доброта в настоящей ситуации состоит в том, чтобы как можно скорее с этим покончить. Это хорошо для нас, ибо мы выиграем время, а также для Вас — Вы сохраните здоровье».

«Вы же знаете, что я ни в чём не виноват. Вы пользуетесь противозаконными методами для того, чтобы принудить меня сознаться в преступлениях, которых я не совершал».

Он вскопчил и забежал по комнате, как лошадь на привязи, изрыгая при этом ругательства. Однако я проходил уже этот номер и не поддался запугиванию.

«Гражданин следователь, — вёл я дальше, — говорите, что хотите, но прокурор не одобрит Ваших методов. Если Вы доведёте меня до состояния полного физического и морального упадка и я подпишу Вашу ложь, то я откажусь от неё при первой же возможности. Почему Вы действуете незаконно? Вызовите прокурора, пусть он посмотрит мне в глаза и скажет, законны ли Ваши методы ведения следствия?».

Мы оба были сильно возбуждены и просто кричали друг надруга. Наконец, Резников схватил стакан и швырнул им в меня. Как всегда, он промазал и стакан разбился вдребезги за моей спиной. Тогда он начал звонить. Зашёл дежурный.

«Вызовите коменданта и двух здоровых парней», — приказал он и вдруг после этого успокоился.

«Мы не можем бесконечно терпеть Ваше сопротивление советской власти. Употребим физическую силу».

Я сел и также спокойно ответил:

«А я отказываюсь от каких-либо признаний до прихода прокурора».

Резников вышел из комнаты. Наверное, он отменил свой приказ, поскольку ни комендант, ни его ассистенты так и не пришли. Вернувшись, он сел на своё место. Примерно час я не слышал от него ни слова. Он занимался своими делами, как будто меня совсем не было.

«Предупреждаю Вас, — произнёс он, наконец, торжественным голосом, — Вы рискуете жизнью. Вы обдуманно саботируете следствие. За это мы накажем Вас в административном порядке».

«Если должен буду подписать то, что Вы от меня хотите, то всё равно буду расстрелян».

«Не будьте идиотом. Мы не уничтожаем нужных людей. Вы специалист и мы долж-

ны использовать Вас. Мы доказали Вашу вину и Вы получите свои пять лет. А если будете себя хорошо вести, то сможете выйти через два года. В лагере Вы будете работать по своей специальности. А скорее всего Вы не пробудете в лагере и двух лет, и Вас возвратят работать туда, где Вы работали, но под надзором. Как Рамзина. Он признал свою вину на высоком суде и теперь он большой человек в Советском Союзе».

«Если было бы в чём сознаваться, я бы сознался, так не в чём же. Я не скажу больше ничего, пока не вызовите прокурора».

Резников не был простаком. Он понял, что загнал меня далеко. А этого он как раз и не хотел делать. Нет ничего хуже на допросе, как молчание, когда заключённый думает лишь о том, как бы подольше продержаться. Он стал искать выход.

«Я не могу прокурора заставить немедленно прийти сюда. У него есть дела поважнее».

«Хорошо. Тогда разрешите написать ему».

«Пишите».

Он дал мне карандаш и бумагу. Я сел к столу и начал писать:

«Гражданин прокурор. Я совершенно не виновен. Не имею никакого отношения к преступлениям, в которых меня обвиняют. Следователь постоянно применяет ко мне методы физического влияния. Сейчас я сижу на стуле уже почти сто часов. Есть же граница всякому терпению. Если я сломаю морально и физически на протяжении следующих дней и подпишу то, что требует от меня следователь, прошу Вас принять к сведению, что это будет вынужденный самоговор. Если я предстану перед судом, то откажусь от этих признаний. Придите в кабинет Резникова. Прошу Вас сделать это сразу по получении этого заявления, поскольку я нахожусь в таком состоянии, что долго не выдержу».

Письмо я подписал, поставил дату и вручил его Резникову. Письмо я написал по-немецки, чтобы Резников не мог его сразу порвать.

По-немецки он не понимал и в случае необходимости вызывал переводчика. Несмотря на то, что ГПУ постоянно нарушает законы, тем не менее, некоторые формальности соблюдаются. В частности, заявление, подписанное заключённым, не может быть уничтожено. С него следует сделать копию и подшить к делу. Это был один из пунктов, по которому меня просветил Рожанский. Если будет приглашён переводчик, то он будет свидетелем того, что я сделал заявление, и Резников не посмеет его уничтожить.

Но Резников тоже не был дураком и сразу разгадал мои хитрости. Вместо того, чтобы вызывать переводчика, он потребовал, чтобы я сам прочёл заявление по-русски. Я сделал это, хотя рисковал вызвать у него приступ бешенства. Но когда я кончил, он только укоризненно посмотрел в мою сторону.

«Вы действительно очень высокого о себе мнения, Вайсберг. Не думайте, что Вы умнее всех нас. Вы хотите авансом отказаться от того, в чём будете вынуждены в конце концов признаться. Это Вам не поможет. Мы взяли Вас в работу и не отпустим до тех пор, пока не признаетесь».

Однако — на удивление он не разорвал моё заявление, а положил его в папку вместе с другими бумагами.

«Заявление будет вручено прокурору?»

«Конечно».

«А когда ждать ответ?»

«Скорее всего, никогда. Он знает Ваше дело не хуже меня и знает, какой Вы враг. Скорее всего, он не захочет иметь с Вами дело».

На следующий день я почувствовал, как сильнейшая усталость растекается по всему моему телу, и попытался уснуть с открытыми глазами. Через пять минут мне это удалось, но голова моя немедленно упала на грудь, и я проснулся. Я очень ослабел. Стало казаться, что я не смогу больше сидеть на стуле. Но ощущение усталости было ничто по сравнению с судорогой, которая скрутила меня вечером. Все тело болело невероятно, бёдра пораспухали. Было ощущение, что пах находится в тисках, которые сжимаются всё сильнее и сильнее. Я с ужасом думал о том, что могу потерять контроль над собой и подписать всё, что угодно. Если же сознаюсь сейчас, то ещё смогу внести в свои показания неправдоподобные вещи, от которых впоследствии можно будет легко отказаться, доказав, что они выдуманы. Но когда дойдёт до коллапса, то я уже не смогу этого сделать. Похоже на то, что надо признаваться сейчас.

В полночь вновь появился Шалит. Издевался надо мной, как хотел. Каждую фразу он выкрикивал, начиная её словом «проститутка» и заканчивая словом «организация».

«Ты проститутка, ты курва, изменник! Ты поднял свою грязную руку на самое святое, что есть в нашей стране. Выдавай немедленно всех своих соучастников и свою организацию!»

Последнее слово всегда сопровождалось жутким продолжительным воплем. Вначале мне не хватило фантазии, чтобы понять, что он имеет в виду под «самым святым в Совет-

ском Союзе». Впоследствии я понял, что речь идёт о покушении на жизнь любимого вождя, отца всех народов, светоча мирового пролетариата Иосифа Виссарионовича Сталина. Тут до меня только дошло, что не будет ничего страшного, если признаю в организации такого покушения. Со временем попытка такого покушения стала казаться мне не криминалом, а героизмом. Но я решил ещё подержаться. Конечно, я ненавидел деспота, который нёс ответственность за все злодеяния его тайной полиции. Но я всё ещё был на стороне революции и поэтому другие обвинения — шпионаж в пользу иностранных государств и терроризм — меня не устраивали. К тому же я знал, и Шалит постоянно напоминал мне об этом, что если я признаюсь, то тем самым выдам всех тех, кто, по их мнению, оказывал мне поддержку. Они потребуют от меня свидетельств, например, о Лейпунском и его друзьях, которых я любил и очень уважал. Мысль о возможности этого меня ужасала. Но что делать? Разве они отстанут от меня, пока я не признаюсь? Я уже представлял собой грудку вспухшего мяса, которое непрерывно болело. В моей голове стоял непрерывный гул, перед глазами плыли красные круги. Я смогу продержаться не более двух дней. А что потом?

Шалит повторял одну и ту же фразу в течение нескольких часов. Был, наверное, третий час ночи, боли стали невыносимыми. Что-то надо предпринимать, но что? То, что они делают со мной, является нарушением закона. А что если я тоже его нарушу и начну откровенно сопротивляться. Что будет? И я решил рискнуть.

«Гражданин следователь, — заявил я, — прошу прекратить допрос. Я уже полутруп и не в состоянии больше здесь сидеть».

«Подписывай признания, курва, тогда прекратим».

«Я не могу, гражданин следователь».

И тут я приподнимаюсь и сваливаюсь на пол. Шалит настолько ошарашен, что от неожиданности не знает, что ему делать. Он не может оставить меня одного, а в кабинете в это время никого больше не было. Он подбежал к двери и начал кричать, но никто не приходил. Шалит бросился назад и стал звонить коменданту. Я уже не слышал, что он ему говорил. Я чувствовал себя вполне сносно, растянувшись на полу. Боль немедленно прошла, как только я расправил члены. Через несколько минут я уже отдохнул так, как при нормальных условиях можно отдохнуть лишь в течение нескольких часов. А тем временем никто не приходил. Шалит

снова пробует звонить, но ему никто не отвечает. Тогда он схватил графин и вылил из него воду мне на голову. Холодная вода освежила меня, чего Шалит, видимо, не предусмотрел. Тут я услышал шаги в коридоре и поднялся с пола.

Вошли три стража с комендантом во главе. Двое держали в руках нагайки, а третий нёс смирительную рубашку.

«Заключённый продолжает сопротивляться?» — спросил комендант.

«Я не могу даже стоять, — ответил я. — Я в полубессознательном состоянии. Теперь я немного отдохнул и могу сесть».

Комендант сослался на какой-то пункт внутреннего распорядка и пригрозил наказанием. Затем они вышли, предоставив Шалиту продолжать допрос. Было видно, что он потерял часть своей уверенности.

Этот короткий инцидент освежил меня.

Правда, боль возвратилась, но моё общее состояние улучшилось. Я отбросил всякие мысли о капитуляции. Шалит продолжал кричать об организации, но теперь я начал ему отвечать, указывая на то, что всё это дело — сплошная глупость. Он не воспринимал никаких моих аргументов.

«Повернись к стене, курва!».

«Послушайте, гражданин следователь, я не мог иметь беседу с Влахом в августе 1935 года, поскольку был в это время за границей».

«Повернись к стенке, проститутка!»

«Но, гражданин следователь...»

«Повернись к стенке!»

Я послушался и продолжал говорить, обращаясь к стенке. Шалит был непоколебим. Правда, он не представлял, что делать дальше. Было похоже на то, что ситуация показалась ему комической, и он еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Этот эпизод скоро стал известен всем. Когда несколькими месяцами позже меня допрашивали другие следователи, я слышал, как один из них сказал другому: «Это тот самый Вайсберг, который говорил со стенкой».

Утром Шалита сменил Вайсбанд. С ним мне было и легче и тяжелее. Было приятно чувствовать его симпатию. С другой стороны, угнетало его однообразное поведение. Меня не покидала мысль о приближающемся конце, тем более, что боль теперь не прерывалась никакими движениями. В полдень появился Резников.

«Прокурор прочёл Ваше заявление, — проинформировал он, — и очень разгневался на нас за то, что мы передали ему такую контрреволюционную бумагу. Он приказал употребить все средства, чтобы вынудить Вас сознаться».

Я не поверил ни единому его слову и не потерял надежды увидеть прокурора ещё до конца этого допроса. Вечером вновь наступила очередь Шалита. Он придумал новое развлечение:

«Что подумают Ваши друзья, когда узнают, что имели дело с изменником?» — спросил он.

«Кто меня знает, тот в это не поверит».

«Мы расстреляем Вас, а потом объявим о Вашем деле во всех иностранных газетах. Ваша мать узнает, что родила изменника для Советского Союза».

Он был слишком глуп для того, чтобы его можно было воспринимать серьёзно, но упоминание о матери встревожило меня, и слёзы выступили на моих глазах. Шалиту показалось, что он напал на верный путь и следующие четыре часа вёл разговоры о моей матери. Это чуть не сделало меня больным, а что уж разозлило, так это точно.

Вдруг открылись двери и появился капитан Торнуев. Он заметил мой гнев, подошёл ко мне и обнял за плечи.

«Не беспокойтесь, — сказал он, — всё будет хорошо. Пойдёмте в мою комнату, я имею к Вам дело».

Я пошёл за ним... Торнуев заказал чай для нас двоих.

«Александр Семёнович, — начал он дружелюбно, — вы должны сознаться. Сейчас Вы как рыба на крючке. Чем больше будете дёргаться, тем хуже будет для Вас. Вы же не обязаны соглашаться со всеми обвинениями, от неправдивых Вы можете отказаться».

«Они все выдуманы, гражданин капитан».

«Что-то же в них должно быть правдивым. НКВД не арестовывает невинных людей, которые действительно ничего не совершили. Против Вас дали показание много людей и Вас следует наказать. Любой суд поверит двадцати свидетельствам против одного обвиняемого».

«И всё-таки, гражданин капитан, всё это выдумки. Нет в них ни капли правды».

«Вы с этим не уйдёте, Александр Семёнович. В чём-то Вы должны уступить. Вы же культурный человек, напишите, что от Вас требуется, а я постараюсь, чтобы это не имело плохих для Вас последствий».

Как бы то ни было, а я был доволен комфортабельным кожаным креслом капитана и прекрасным отдыхом. К сожалению, как только мы выпили чай, он отвёл меня к Шалиту.

«Вайсберг желает признаться», — сказал он перед тем, как покинуть комнату.

«Дать бумагу и карандаш?» — спросил Шалит.

«Нет, благодарю, мне нечего писать».

Муки начались вновь. Это была уже шестая ночь и я был слишком слаб, чтобы бороться с болью. Шалит рвал и метал, каждое его слово было словно удар молота. Мелькало в глазах, но хуже всего была боль в паху. При сидении на стуле в постоянном напряжении пребывает какая-то группа мышц, и все они невыносимо болят. Стоит хоть немного расслабиться и ты упадёшь. Тяжело удержать эти мышцы в состоянии напряжения в течение шести дней и ночей, когда каждая из них заявляет свой протест болью. Я не уверен, что моё объяснение физиологически совершенно, но в эту шестую ночь я понял, что стоять я уже не смогу. Я начал опасаться, что теряю способность ясно мыслить и смогу подписать что угодно.

В полночь в кабинет ещё раз зашёл Торнуев. Обратился к Шалиту:

«Ну как, написал?»

«Нет, — ответил тот, — всё ещё продолжает делать из нас дураков».

«Хорошо. Со стороны гуманности я сделал всё, что мог. Теперь пора с этим кончать», — и с этим тёмным для меня намёком он покинул комнату.

«Слышал, что сказал капитан? — злобно спросил Шалит. — Ты хоть понял, о чём идёт речь?»

«Да, я слышал, но не понял, что он имел в виду».

«Боюсь, что скоро ты поймёшь, но будет уже поздно. Ты превратишься в отбивную и перестанешь быть человеком. Мы имеем много способов заставить говорить такого негодяя, как ты. Послушай моего совета и не доводи до этого. Впрочем, это твоё дело».

После этого перерыва он продолжил допрос. Когда он кричал, я старался не обращать на него внимания и думать о чём-то другом. Он это заметил и стал меня толкать. Но несмотря на его рукоприкладство и крик, на совершенно невыносимую боль в паху и везде, на повышение давления в моей голове, я старался мыслить спокойно. Мне было ясно, что я приближаюсь к финишу своего сопротивления. Но что я должен написать? Если сознаюсь в терроризме, то смогу ли отказаться от диверсионной деятельности и шпионажа? Я был уже достаточно опытным, чтобы понять, что никакого компромисса не будет, они отвергнут его с возмущением. Они требуют полного признания без всяких торгов. Не могу же я сказать, что всё это от начала до конца ложь, а я собирался только убить Сталина. В последнем я уже не видел ничего бесчестного, но шпионаж и диверсии мне со-

всем не подходили. Наверное, я скажу, что признаю терроризм, и что диверсиями и шпионажем занимался кто-то другой в нашей организации.

Но это же означает, что выдам кого-то из вымышленных соучастников. «Кто завербовал тебя в организацию? Кого завербовал ты?» Впрочем, я мог бы назвать своего врага Давидовича или Кравченко. Они оба были известны в институте как люди ГПУ. Но это может быть расценено как провокация. Они могут потребовать ещё что-то. Наверняка, они уже имеют перечень фамилий, которые хотят услышать. Это, наверняка, Лейпунский, вероятно, Шубников, а также работающие в институте иностранцы. Нет, что бы ни случилось, я этого не сделаю.

А как с самой организацией? Была ли она бухаринской или троцкистской? Я больше симпатизировал Бухарину. То пусть она будет бухаринской.

Часа в четыре утра пришёл Вайсбанд. Шалит, бледный, как покойник, оставил кабинет. Даже его железные нервы не выдержали испытания шести часами непрерывного крика и неистовства.

Боль в паху всё усиливалась, но теперь уже не было кому на меня кричать и мешать мне думать. Я решил приготовиться к капитуляции заблаговременно и не ждать, когда меня вынудят к ней силой. А пока буду держаться, сколько смогу. Я решил признать терроризм и, вероятно, контрреволюционную организацию вместе с конфликтом в институте. Но буду до конца отрицать шпионаж и диверсионную деятельность. Моя организация будет бухаринской, а не троцкистской.

Мысль о том, что смогу свободно встать и выпрямиться, что смогу ходить, действовала как мираж, манящий путника в пустыне. Правда, всё это могло стать реальностью. После того, как я твёрдо решил капитулировать, силы словно вернулись ко мне. Я понял, что рано или поздно придётся сдаваться, то зачем же мучиться?

Утром пришёл Резников свежий и весёлый. Я сказал решительно:

«Гражданин следователь, мои силы на исходе. Всё, в чём Вы меня обвиняете — чистая фантазия, но я уже готов её признать».

«Признание с подобной оговоркой не является признанием, — ответил он. — Если это неправда, Вы не имеете права её подтверждать. Это будет провокация против советской власти».

«Но я не могу больше терпеть! Что же мне теперь делать? С помощью пыток заставляете меня дать показания, а затем их отвер-

гаете. Не мучьте меня, и я не буду делать никаких провокаций против советской власти».

«Мы ведём допросы цивилизованными методами. Мы не применяем пыток, но требуем от Вас правды. Вы обязаны сознаться в том, что Вы совершили против советской власти. Нам не нужны Ваши условные признания, о которых Вы заранее говорите, что они не соответствуют действительности».

Легко ему было говорить. Он ушёл, помылся, побрился, вкусно поел и уже снова готов к работе. Мне же не давали уснуть сто сорок часов и мое тело превратилось в одну сплошную рану. Он прекрасно видел, что я дохожу. Мои плоть и кровь больше не могли этого выдержать. Он знает, что может ставить мне любые условия капитуляции. Если неделю назад он с радостью принял бы мои признания с условием, то теперь он полностью контролировал ситуацию.

Однако я ещё находил возможным не сдаваться. Слова признания застревали у меня в горле, когда я пытался их произнести. Не мог я решиться сделать требуемые признания, да ещё и делать вид, что это всерьёз. К тому я совсем не был уверен, что они на этом останутся. Резников не однажды намекал мне, что я «двойник», то есть, присланный в Советский Союз какой-то политической оппозицией и, в то же самое время, гестапо. То обстоятельство, что ко времени моего прибытия в Советский Союз Гитлер ещё не пришёл к власти в Германии и гестапо ещё не было, их не беспокоило. Их мало интересовали законы логики и хронологическая последовательность событий. Если я проявлю слабость, они будут толкать меня дальше. Они потребуют свидетельств против моих друзей. Но этого я никогда не сделаю.

С такими мыслями в голове я собирал последние силы для дальнейшего сопротивления, но этих сил было уже немного. Мои желания — это было одно, а боли в теле — совсем другое. Я вытянул вперёд ноги и попробовал приподняться на руках, чтобы хоть немного дать отдохнуть тому месту, на котором сидел. Но я настолько ослабел, что смог продержаться лишь несколько секунд. Раз или два Резников не обратил внимания на мои упражнения, но когда заметил, что я начал это делать систематически, то запретил. Даже Вайсбанд, который его заменил, не проявлял свою обычную ко мне благосклонность. Очевидно, он получил соответствующие инструкции. Я пытался несколько распрямиться, повернувшись в одну сторону, а затем в другую сторону. Но случилось так, что я упал и вывихнул палец на руке, которую я механически

ки подставил, чтобы смягчить удар. Когда тебя бьют — стискивай зубы и терпи, сколько сможешь. А не можешь терпеть — теряй сознание. Но когда ты сидишь на стуле, то потерять сознание не так просто, и мукам нет конца. Я корчился от боли. Мягкосердечный Вайсбанд уже не мог смотреть на меня и отвернулся к окну. В полдень его сменил Шалит. Я срываюсь со своего стула и бегу в кабинет Резникова, который как раз сидел за своим столом. Наверное, он подумал, что я сошёл с ума.

«Гражданин следователь, — закричал я, — защитите меня от этого человека. Допросите меня сами. Делайте со мной что хотите, но не пускайте ко мне Шалита!»

«Шалит выполняет мои требования, — ответил Резников холодно. — Мы за Вас ещё возьмёмся и я это Вам обещаю. А сейчас ступайте и пишите свои признания».

Я не стал сопротивляться, хотя был в отчаянии от боли и унижения. Шалит же сиял и буквально потирал руки от удовольствия.

«Надеюсь, ты понял, что это уже конец, — радовался он. — Если ты сегодня сознаёшься, то завтра уже сможешь поспать. А если нет, то, попомни моё слово, мы вообще никаких признаний от тебя не примем. Будешь ползать по земле и умолять нас, чтобы мы сжалились над тобой».

Что он уже вытворял после обеда — невозможно описать. Он понял, что я близок к полному истощению и непрерывно наращивал своё давление. Он хотел, чтобы я признался именно благодаря его пыткам, а не пыткам его коллег или начальника. Он игрался со мной, как кот с мышью, и при моём наименьшем движении с целью хоть немного уменьшить боль повышал свой голос. Один раз я позволил себе не обратить на это внимания и продержал некоторое время своё тело на руках над стулом. Шалит подбежал и ударил меня по руке. Я вскочил.

«Ты не имеешь права ко мне прикасаться, — закричал я ему в лицо. — Если я даже сдамся и подпишу вашу брехню, то тебе лично я не подпишу ничего, гражданин Шалит. Я тебе твёрдо это обещаю».

Его мало обеспокоила моя ненависть, но мысль о том, что я могу признаться перед Резниковым или Вайсбандом, а он останется ни с чем, была для него невыносимой.

«Вызовите гражданина Резникова, — потребовал я, — ибо Вам я не скажу ни слова. Я сделаю своё заявление только гражданину Резникову».

«Резникова сегодня не будет. Я официальный следователь. Выкладывай мне о своей

троцкистской, фашистской, контрреволюционной, шпионской и диверсионной организации. Давай имена соучастников. Кто помогал тебе передавать за границу информацию о нашей стране? Передавал ты её через немецкое консульство в Харькове или через посольство в Москве? Где достал оружие, с помощью которого собирался убить товарища Сталина?»

«Я не скажу Вам ни слова, гражданин Шалит».

«Если Вы будете саботировать следствие, мы употребим физическую силу. Капитан Торнуев уже дал на это своё согласие».

«Я буду говорить только с Резниковым».

Он понял, что никакая сила не заставит меня признаться именно ему, и стал искать выход.

«Если не хотите иметь дело со мной, то напишите Торнуеву. Вот Вам карандаш и бумага».

«Нет, вызывайте Резникова».

«Я тебе уже сказал, что его нет. Если хочешь, пиши ему, фашистский гад. Ты ещё будешь ставить мне свои условия? Скоро будешь харкать кровью! Выбросим тебя на съедение крысам!»

Я старался ему не отвечать. Огненные круги полыхали перед моими глазами, мой мозг перестал функционировать. Комната начала плавать. Боль всё усиливалась и уже давно распространилась по всему телу. Шея болела независимо от того, как я держал голову. Я всё-таки дождался прихода Вайсбанда, заменившего Шалита.

«Александр Семёнович, — молвил он как всегда доброжелательно, — пора кончать. Иначе Вы сойдёте с ума».

Я уже не мог даже отвечать. Комната покрылась пятнами, а шум в голове ещё больше усилился. Я не смог переносить электрический свет и закрыл глаза. Дважды я сползал со стула, и Вайсбанд помогал мне взобраться обратно. Когда боли стали совсем непереносимыми, я попросился в туалет. Он дал согласие несмотря на то, что я недавно был. Прогулка в туалет и обратно принесла некоторое облегчение, но стоило мне только сесть, как боль возобновилась. Я ждал прихода Резникова, но вместо него вновь появился Шалит, который его подменил.

«Остаюсь с тобой на всю ночь, братишка. Обещаю, что мы приятно проведём время», — сказал он с издёвкой.

Перспектива провести ночь с Шалитом огорошила меня. Я был преисполнен решимости не давать ему никаких признаний. Лучшее дам себе ампутировать две ноги. Я продол-

жал сидеть, а он принялся за свои обычные ругательства. Его слова уже почти не достигали моего мозга. Я практически был без сознания. Мои глаза ничего не видели. Шалит представлялся мне в виде неясного контура, давление на голову усилилось. Шалит наблюдал за мной, как зверь за добычей, крутился возле меня, но руками не трогал. Это было запрещено. Я видел, что в нём поднимается бешенная ненависть, моё сопротивление довело его до неистовства. В эти часы он превзошёл сам себя. Он кричал и ругался так люто, что другие следователи из соседних комнат время от времени забегали посмотреть, что тут творится. Я был на последней стадии агонии и только моя ненависть к Шалиту и желание не допустить его триумфа придавали мне силы. Он это понимал и бесился ещё больше, всё ещё надеясь на то, что именно ему удастся сломать остатки моего сопротивления. Сразу после полуночи я стал ощущать, что окончательно слабею и что конец уже очень близок.

«Гражданин Шалит, — пробормотал я, — позвоните Резникову. Я должен ему что-то сказать».

«Не раньше, чем сознаешься во всех своих преступлениях, — зарычал он, — давай, изрыгай!».

Я встал и зашатался. Комната пошла кругом и я упал. Шалит кинулся ко мне, начал меня поднимать, не переставая при этом кричать в самое моё ухо. В этот момент открылась дверь и вошёл Торнуев.

«Что тут творится? Что за шум?»

«Этот преступник издевается над советской властью, товарищ капитан, — объяснил Шалит. — Дайте разрешение кончить с ним сейчас же».

Я преданно посмотрел на Торнуева.

«Гражданин капитан, я решил подписать признания, но хочу сделать это только Вам».

Он повернулся к Шалиту, который стоял перед ним на вытяжку.

«Где лейтенант Резников?» — потребовал он.

«Он будет здесь через несколько минут, товарищ капитан».

«Подожди, пока он придёт, и тогда приводите ко мне Вайсберга».

«Слушаюсь, товарищ капитан».

Не успел Торнуев выйти из комнаты, как зашёл Резников.

Шалит ввёл его в курс дела.

«Вы готовы признаться сейчас?»

«Да».

«Давайте его на диван в мою комнату».

Тон его изменился. Он стал теперь вполне

нормальным и даже дружественным. Произошло это в полночь на седьмые сутки моего «конвейера». Я боролся, пока хватило сил, но меня победили. Ничего, кроме капитуляции и признания мне не оставалось делать.

Протокол дополнительных показаний обвиняемого А. С. Вайсберга от 1 июня 1937 года

В о п р о с: В продолжение трёх месяцев Вы упорно отказываетесь давать правдивые и исчерпывающие показания о Вашей контрреволюционной вредительской деятельности. Ваше поведение мы рассматриваем как продолжение антигосударственной преступной деятельности и требуем от Вас исчерпывающих показаний.

О т в е т: Я в течение 3-х месяцев действительно занимал антигосударственную линию на следствии и скрывал о своей контрреволюционной вредительской деятельности. Я намерен дать самые полные и исчерпывающие показания и полностью рассказать о своей и связанных со мной лиц контрреволюционной деятельности.

В о п р о с: Дайте подробные показания о Вашей партийной принадлежности и Ваших политических убеждениях.

О т в е т: Я с 1921 по 1927 г. состоял членом австрийской демократической партии. С 1 мая 1927 года по 1 декабря 1929 года я состоял членом австрийской компартии. С декабря 1929 года по 1 января 1934 года я состоял членом коммунистической партии Германии и снялся с учёта в германской секции Коминтерна. С 35-го по май месяц 1937 года был снова переведен на учёт в компартию Австрии в связи с моим предполагаемым отъездом из СССР. Находясь в рядах австрийской компартии, я по своим убеждениям вначале оставался под идейным влиянием социал-демократии и организационно не порвал со своими старыми связями по социал-демократической партии. С 1929 года я примыкаю по убеждениям к правому течению коммунистической партии Австрии, на этих же правых позициях нахожусь, двурушнически пребывая в рядах КПГ.

С 1931 года со времени моего пребывания в СССР я также являюсь правым и двурушнически состою на учёте и числюсь в германской секции Коминтерна. Резюмируя мои политические убеждения, я заявляю, что я примыкаю к правому контрреволюционному направлению идейно и организационно.

В о п р о с: С кем Вы организационно были связаны как правый?

О т в е т: Будучи в рядах австрийской коммунистической партии я организационно как правый был близко связан с Вилли Шламмом, руководителем правых в КПА. С 1928 г. с Вилли Шламмом я часто встречался, вёл с ним беседы на политические темы и находилась под его идейным влиянием. Последняя моя встреча с Вилли Шламмом относится к 1935 г. в г. Праге, о которой я показывал 25 мая 1937 года не полностью.

В этой встрече со Шламмом последний выразил мне своё недовольство политическим положением в СССР, диктаторством т. Сталина и состоянием советской и партийной демократии. Шламм говорил, что портреты т. Ленина сейчас реже видно портретов т. Сталина, культ которого сейчас в СССР. Об этом разговоре я в моих ранее данных показаниях скрыл.

В рядах КПГ в связи с тем, что часто разъезжал и не имел продолжительного по времени места службы, организационно ни с кем не был связан. К этому же времени относятся мои две встречи и разговор на политические темы с Карлом Франком, о которых я подробно показал 25.05.1937 г.

В о п р о с: С кем Вы были организационно связаны как правый в СССР?

О т в е т: Открытых организационных связей с правыми я не имел. Как правый я был близок к Лейпунскому Александру Ильичу, директору УФТИ, члену ВКП(б), двурушнику, который находился на антипартийных позициях.

Лейпунскому я в разговоре высказывал свои правые взгляды по отдельным вопросам, по которым Лейпунский соглашался. О Лейпунском я могу подробно дать показания отдельно.

В о п р о с: Вы говорите неправду. В СССР Вы имели связь с правыми. Я требую от Вас правдивых показаний.

О т в е т: Я утверждаю, что в СССР я организационно связан с правыми не был.

В о п р о с: Каковы отношения между Вами и Лейпунским, директором УФТИ?

О т в е т: Отношения между мной и Лейпунским очень хорошие. Во многих вопросах, чрезвычайно затруднительных для меня, Лейпунский оказывал мне большую помощь и поддержку. Эта поддержка была ощутимой в период предстоящего моего увольнения из УФТИ бывшим директором Давидовичем и Геом, его заместителем, когда Лейпунский согласовывал вопрос с нач. НИС НКТП Арманом, перед которым он меня защитил и добился оставления на должности зам. нач. ОСГО вместо увольнения. В 1935 году я подлежал

выдворению из пределов СССР. Лейпунский по моей просьбе защитил меня перед органами НКВД, в результате чего мне снова продлили вид на жительство в СССР. Лейпунский мне оказывал значительное доверие, рассказывал известные ему совершенно секретные данные НКВД, касающиеся меня. От Лейпунского я знал, что органами НКВД предложено меня выдворить из пределов СССР. От него же я узнал и получил предупреждение о необходимости выехать из СССР, т.к. в противном случае я буду арестован. Это предупреждение я получил от Лейпунского в конце 1936 года.

Вследствие ультимативного требования, выдвинутого Мартином Руэманном, заключавшегося в том, что если я буду уволен, он также уйдёт из УФТИ, Лейпунский и Комаров выехали в НИС НКТП, где перед Арманом снова меня защитили и добились вторичного моего оставления в СССР на работе в ОСГО. Под давлением факта моего предварительного вызова в НКВД до моего ареста, о котором я проинформировал подробно Лейпунского, рассказав, что мне НКВД предъявил обвинение в шпионаже и диверсии, Лейпунский вынужден был меня уволить, предварительно снова имев беседу с начальником областного управления т. Мазо. Но, по-видимому, его защита меня не дала положительных результатов. При моём увольнении и перед отъездом, к которому я начал готовиться, Лейпунский мне выдал положительную характеристику. В августе месяце 1936 года Лейпунский мне выдал премию в сумме 1000 рублей. Для полной характеристики моих отношений с Лейпунским я хочу указать, что мы друг у друга бывали на дому, где обменивались мнениями по различным вопросам. Говорили, хотя и реже, на политические темы, при этом Лейпунский знал о моих антисоветских и контрреволюционных взглядах.

В о п р о с: Вы показываете, что «Лейпунский двурушник и находится на антипартийных позициях». На чём основаны Ваши показания? Отвечайте.

О т в е т: О том, что Лейпунский двурушник и стоит на непартийных позициях мне известно из бесед с ним по ряду политических вопросов. Так, например, в 1933 году у Лейпунского на квартире мы беседовали о положении на селе и на Украине. Обменявшись мнениями, Лейпунский сообщил мне, что смертность на селе доходит до 11%. На мой удивлённый вопрос, «откуда Вы это знаете?» Лейпунский ответил, что это ему известно от Бухарина.

В 1936-1937 гг. я с Лейпунским беседовал по вопросу о Конституции. На моё ироническое замечание и недоверие о свободе печати в СССР Лейпунский свёл этот вопрос к возможности критики директора института, завода, причём явно в иронической форме отнёсся к свободе печати. В феврале 37 года, после моего вызова в НКВД, я Лейпунскому рассказал явно контрреволюционный клеветнический анекдот, касающийся вождей СССР, на который Лейпунский реагировал смехом, не дав мне отпора. В беседах с Лейпунским чувствовалось всегда, что он не согласен с постановкой вопроса о классовой бдительности и чрезвычайно был недоволен органами НКВД.

Лейпунский рассказывал мне по приезду из Москвы, что там такая атмосфера недоверия друг к другу, что когда встречаются два приятеля, они с удивлением спрашивают друг друга не арестован ли он ещё. Об НКВД Лейпунский отзывался, что его будут преследовать, если он попросит т. Балицкого расследовать, что делается в УФТИ. Это было в момент активизации деятельности контрреволюционной группы в УФТИ.

В феврале-марте 1936 года я высказал Лейпунскому свои контрреволюционные измышления о том, что со времени убийства т. Кирова у нас в СССР только теперь устанавливаются кое-какие демократические формы (создано бюро жалоб и др.), на что Лейпунский мне ответил: «Да, товарищи из НКВД жалуются, что прокурор их контролирует на каждом шагу». Надо отметить, что Лейпунский избегал вести со мной открыто политические разговоры. На мои многочисленные антисоветские замечания Лейпунский совершенно не реагировал и никакого отпора им не давал.

Вопрос: В каких отношениях был Лейпунский с Бухариным?

Ответ: Я об отношениях Лейпунского с Бухариным знаю очень мало.

Вопрос: Говорите, что знаете.

Ответ: Отношения между ними были хорошие. Я в 1931-1932 гг. присутствовал при одной из встреч Бухарина с Лейпунским. Из характера их беседы, содержание которой я не знаю, так как в то время не понимал порусски, я видел, что отношения между ними хорошие. Лейпунский с Бухариным встречался неоднократно как с нач. НИС НКТП. Характер их разговоров мне неизвестен. Особенно близкие отношения у Лейпунского были с заместителем Бухарина Зискиндом, считавшимся его близким другом.

Вопрос: Что Вам известно о сестре Лейпунского?

Ответ: В апреле месяце 1935 года Лейпунский был вызван из Англии в Москву на доклад к наркому тяжёлой промышленности товарищу Орджоникидзе. В приёмной наркома, где вместе с Лейпунским был и я, к нему подошла молодая девушка, которая с ним о чём-то беседовала. После её ухода Лейпунский мне сказал, что это его сестра. В дальнейшей беседе Лейпунский сказал, что она была исключена из комсомола и выслана из Ленинграда за связь с человеком, арестованным в деле контрреволюционной террористической группы, убившей товарища Кирова. На моё предложение Лейпунскому устроить её на работу в УФТИ он ответил, что она не имеет права работать в Харькове и должна выехать в Сибирь, откуда сумеет вернуться только через несколько лет.

Вопрос: Что делала сестра Лейпунского в Москве?

Ответ: Мне это неизвестно.

Вопрос: Сестра Лейпунского была у него в Харькове в 1935 году?

Ответ: Я не знаю, в Харькове я её не видел, так как часто бывал в Москве в 1935 году в командировках.

Вопрос: В каких политических вопросах Вы не согласны с линией Коминтерна, ВКП(б) и советского государства как правый?

Ответ: С коммунистическим интернационалом я не был согласен по вопросам: о применении политики единого фронта, о фашизме, об отношении компартии к левым социал-демократам, о внутрипартийной демократии в братских компартиях, а также в вопросе об отношениях между Коминтерном и ВКП(б). С указанными вопросами, кроме последнего, я примирился после 7-го конгресса Коминтерна. В вопросе об отношении Коминтерна к ВКП(б) я до сего времени не согласен, так как считаю, что Коминтерн не осуществляет своего влияния на внутрипартийную жизнь политику ВКП(б). Я не согласен с линией ВКП(б) в вопросах партийной и советской демократии и считаю, что такая в условиях СССР полностью ликвидирована и не существует. Я считаю, что отсутствие свободного обмена мнением в СССР отрицательно влияет на развитие культуры в Союзе. Я не согласен с чрезмерной бдительностью в СССР, которая мне казалась необоснованной и во время прошедших процессов над троцкистско-зиновьевской группой и антисоветским параллельным центром, не доверял советской печати и считал, что всё это в значительной части преувеличено. В период 1932-1935 гг. я был

не согласен с линией партии в вопросах коллективизации и налоговой политики, т.к. считал, что в коллективизации было много перегибов в сторону раскулачивания мелких некулацких хозяйств и политики хлебозаготовок, приведшей к голоду и большой смертности в 1932 году.

Я также не был согласен с системой двойных цен на продукты широкого потребления и системой централизованного распределения — фонды, наряды производственных материалов. Я считал, что путём повышения цен на промышленные изделия и повышения заработной платы рабочим и служащим может быть ликвидировано централизованное распределение. С этим вопросом, а также с рядом других, о которых я вспомню, я не был согласен с Коминтерном и ВКП(б) и свои правые контрреволюционные взгляды широко пропагандировал в кругу лиц мне близких, группировавших вокруг себя группу разделяющих мои крайне контрреволюционные взгляды, солидаризовавшихся со мной, а позднее и выступивших в мою защиту при моём увольнении из УФТИ. В моих контрреволюционных правых взглядах я также обрабатывал, имея целью привлечь к контрреволюционной деятельности, отдельных членов ВКП(б).

Вопрос: Назовите всех членов созданной Вами контрреволюционной правой группы и лиц, вовлечённых Вами в контрреволюционную деятельность.

Ответ: Являясь убеждённым правым и будучи не согласным с линией ВКП(б) и мероприятиями советского государства по указанным выше вопросам, я создал группу единомышленников из числа иностранных специалистов в УФТИ. В состав этой группы я привлёк: Хоутерманс Фриц, член КПП, германскоподданный, научный работник УФТИ; Руэманн Мартин, английский подданный, левый либерал, научный руководитель УФТИ; Руэманн Варвара, английская подданная, научный работник УФТИ; Хоутерманс Шарлотта, член КПП, германскоподданная, работает секретарём редакции и корректором физического журнала СССР, издаваемого в УФТИ. Кроме указанных мною лиц, из числа иностранцев близко к этой группе стояли Вайсельберг Конрад и Тисса, работавшие в УФТИ, но не вошедшие в организацию и не связанные структурно с указанной правой группой, мною созданной. Для привлечения к правой контрреволюционной группе я начал обрабатывать члена ВКП(б) Комарова Петра Фроловича, с которым я в середине 1936 года начал вести политические беседы. Вначале

Комаров не во всём со мною соглашался, позднее осенью он по своей инициативе начал вести со мною политические разговоры, стремясь войти со мной в контакт.

Вопрос: Что Вам говорил Комаров?

Ответ: Будучи в Москве вместе с Комаровым по делам ОСГО он мне говорил, что товарищ Сталин нескромный человек и не реагирует на многочисленные приветствия в его адрес; позднее, во время процесса, Комаров мне говорил, что из всех подсудимых он больше всего симпатизирует Каменеву, который является старым партийным работником. Комаров мне также рассказывал о том, что будучи на селе в период 1932-1933 гг. он имел распоряжение арестовывать всех, кто занимался учётом умерших, число которых, по его мнению, соответствующими мероприятиями можно было значительно сократить. На мой вопрос Комарову, позволительно ли так говорить члену ВКП(б), он ответил утвердительно, заявив, что это принято в партийных кругах.

Вопрос: Почему Вы не установили контакта с Комаровым?

Ответ: Несмотря на эти контрреволюционные разговоры Комарова, я ему не доверял и решил выждать, чтобы его более тщательно проверить.

Вопрос: К какому времени относится создание Вами контрреволюционной правой группы в УФТИ?

Ответ: Указанная мною правая группа в УФТИ была создана мною в 1935 году в мае-июне месяце. До этого я взял Руэмана под своё политическое влияние и в частых беседах с ним прививал ему свои правые взгляды. Весной 1935 года, когда приехал в СССР Хоутерманс с женой, я, используя положение в институте в связи с активизировавшейся контрреволюционной деятельностью группы Ландау, привлёк также и Хоутерманса. Предварительно я Хоутерманса обстоятельно проинформировал о положении в институте, после чего я привлёк его в свою группу.

Вопрос: На какой базе Вами были созданы контрреволюционные группы правых в УФТИ?

Ответ: Базой для нашего объединения служили политические разговоры с Руэманном и Хоутермансом и их жёнами о положении иностранцев в СССР, о недоверии к ним, отсутствии должной демократии в Союзе и др. К этому времени относится и моё увольнение из УФТИ бывшим директором института Давидовичем, которое было использовано в институте для активизации контрреволюционной деятельности и срыва

поставленных перед институтом научных и производственных задач.

В о п р о с : Говорите конкретно, какие задачи были поставлены перед УФТИ в 1935 году?

О т в е т : Перед УФТИ в 1935 году партией и правительством СССР был поставлен ряд задач по оборонным вопросам. Конкретно я не могу указать, какие именно темы были поставлены перед институтом, так как я к секретным работам не был допущен. Этими работами по оборонной тематике занимались в институте профессор Слущкин, научные сотрудники Рябинин, Синельников и Шубников.

В о п р о с : В чём конкретно выразилась контрреволюционная вредительская деятельность правой группы в УФТИ по срыву оборонных задач?

О т в е т : Контрреволюционная вредительская деятельность правой контрреволюционной группы в УФТИ выразилась в:

1. Поддержке группы Ландау, активно выступавшей в борьбе за срыв оборонных задач в институте.

2. В борьбе против руководства институтом, в частности, против директора УФТИ Давидовича и его заместителя Гея. Эта борьба привела к дезорганизации работы института и отвлекла внимание всех научных работников от выполнения своих повседневных задач.

В о п р о с : Кто входит в группу Ландау? Назовите людей, ведших борьбу против оборонных работ в институте.

О т в е т : Мне известно, что среди научных сотрудников УФТИ была группа лиц, настроенных против оборонной тематики, которая на практике вела борьбу за срыв оборонных задач, поставленных правительством перед УФТИ. В эту группу входили Ландау Лев Давидович, научный руководитель УФТИ, Корец Моисей Абрамович, аспирант Ландау, Шубников Лев Васильевич, научный руководитель криогенной лаборатории УФТИ, Розенкевич Лев Викторович, научный сотрудник УФТИ. Эта группа, возглавляемая Ландау, имела влияние на научных сотрудников института и, главным образом, на советские молодые кадры — теоретическую группу, руководителем которой являлся Ландау.

В о п р о с : Какого политического направления группа Ландау?

О т в е т : Судя по политическим убеждениям Ландау, группа, им возглавляемая, является контрреволюционной троцкистской группой.

В о п р о с : Что Вам известно о троцкистских убеждениях Ландау?

О т в е т : Ландау как убеждённый троцкист мне известен с 1932 года. В неоднократных личных разговорах со мной в продолжение 1932–1936 годов Ландау открыто выражал свои контрреволюционные троцкистские взгляды. Он выражал неверие в возможность построения социализма в СССР из-за тех противоречий, которые, по его мнению, существуют между рабочим классом и крестьянством. Трудности в коллективизации села Ландау объяснял тем противодействием, которое оказывало крестьянство советскому государству в проведении этого мероприятия. Ландау считал, что политика коллективизации сельского хозяйства потерпит крах и будет прекращена в очень непродолжительном времени. В колхозах, по мнению Ландау, существует принудительный труд и этим объясняется их низкий уровень и низкие урожаи. Ландау также говорил, что принудительный труд в колхозах и есть причина большой смертности, имевшей место на Украине в 1932–1933 годах. Ландау считал, что ВКП(б) — партия бюрократическая, система, которая исключает возможность пребывания в ней революционеров. В СССР отсутствует какая-либо демократия, нельзя свободно критиковать, выражать своё мнение, всегда надо ожидать установку сверху — так всегда говорил Ландау. В период прошедших процессов над зинovieвско-каменевской троцкистской группой и антисоветским параллельным центром Ландау выражал недоверие опубликованным в советской прессе сообщениям и вёл явную линию недопонимания этих событий. Ландау всегда отзывался о товарище Сталине с иронией, иначе как «любимый вождь», «отец народов» и пр. его не называл.

В о п р о с : В каких вопросах Вы солидаризировались с троцкистом Ландау?

О т в е т : С Ландау я солидаризировался в вопросах о ВКП(б), об отсутствии демократии в СССР и в вопросе о процессе над троцкистско-зинovieвской группой и параллельным антисоветским центром, в вопросе о крестьянстве или коллективизации я Ландау возражал. Также не солидаризировался с его ироническим отношением к товарищу Сталину.

В о п р о с : Вы говорите неправду. Вы сами рассказывали Лейпунскому явно контрреволюционный анекдот о вожде Сталине в ещё более резком духе, чем ирония Ландау о Сталине.

О т в е т : Да, я это подтверждаю. Однако, у меня это был отдельный случай, а у Ландау ироническое отношение к товарищу Сталину есть система.

Вопрос: Что Вам известно о контрреволюционных троцкистских настроениях остальных членов контрреволюционной троцкистской группы Ландау?

О т в е т: С троцкистскими взглядами Ландау полностью солидаризировался Корец Моисей Абрамович, который находился под его идеологическим влиянием. Политических убеждений Шубникова и Розенкевича охарактеризовать не могу. Знаю, что Шубников реакционно и антисоветски настроенный человек, чуждый мероприятиям советской власти и партии. Как Шубников, так и Розенкевич находятся под влиянием Ландау, являющимся для них большим авторитетом.

Вопрос: На какой политической платформе объединились в УФТИ созданная Вами правая контрреволюционная группа и троцкистская группа Ландау?

О т в е т: Политической платформы, объединившей эти оба направления, никакой не было. Практически обе эти группы совместно выступили против руководства института, требуя перед высшими советскими партийными организациями снятие руководителей. В ходе борьбы Ландау выдвинул вопрос о том, что институт должен заниматься только вопросами чистой науки, а не прикладными техническими оборонными работами. В этих вопросах обе эти группы в УФТИ выступили совместно, полностью солидаризовавшись с требованиями группы Ландау.

Вопрос: Какие оборонные работы были сорваны в УФТИ в 1935 году и чего практически добились объединённая контрреволюционная вредительская группа Ландау-Вайсберга?

Ответ: Какие оборонные работы были сорваны я не знаю, как я уже сказал, к секретным оборонным работам я не был допущен. Практически наше объединённое выступление привело к созданию такой атмосферы в институте, при которой нельзя было работать. В результате был сорван общий план научных работ УФТИ в 1935 году. Снят директор института Давидович с руководства. Гонение на профессора Слущкина, занимающегося оборонной тематикой, и увольнение из института спецработника Рябинина.

Вопрос: Какова роль Лейпунского в объединённой борьбе Вашей с Ландау контрреволюционной группы против оборонных работ и его отношение к этой борьбе в УФТИ?

О т в е т: Лейпунский в течение 1934—1935 годов в период этой борьбы находился в заграничной командировке в Англии, он был информирован мною и Ландау, в основном, по вопросу о руководстве Давидовича. В ответ-

ных письмах Лейпунский советовал мне и Ландау обратиться в НИС НКТП к товарищу Арманду. По приезде Лейпунский занимал позицию сохранения в кадрах УФТИ Ландау. Лейпунский не понимал политического характера нашей борьбы и считал, что никакой контрреволюционной группы, выступающей против оборонных задач, в институте нет. Важно отметить, что одним из требований нашей объединённой группы было возвращение Лейпунского из-за границы и назначение его директором УФТИ.

Протокол мною прочитан, записан на понятном мне русском языке.

Вайсберг

Допросил оперуполномоченный 3 отд. УГБ лейтенант госбезопасности

Резников

**Обзорная справка
по архивно-следственному делу № 810124
по обвинению Вайсберга Александра Семёновича, 1901 года рождения, уроженца
гор. Кракова, еврея, подданного Австрии,
члена компартии Австрии, работавшего зам.
начальника опытной станции в Украинском
физико-техническом институте (УФТИ)**

Вайсберг А.С. арестован УНКВД по Харьковской области 1 марта 1937 года как участник антисоветской контрреволюционной организации. На первых допросах Вайсберг признал себя виновным в том, что он будучи членом Коммунистической партии Австрии, а затем Германии занимался провокаторской деятельностью и сотрудничал с немецкими разведывательными органами, которым выдавал коммунистов Австрии и Германии. В 1931 году по заданию агента немецких разведорганов Хоутерманса был переброшен в Советский Союз для шпионской работы против СССР. Прибыв в СССР, устроился на работу в УФТИ (Украинский физико-технический институт в гор. Харькове). Работал в УФТИ, собирая шпионские сведения для германской разведки, и из числа научных сотрудников института создал контрреволюционную, а впоследствии террористическую группу, в которую вошли Блох, Лессинг, Зауберер. Он перед ними поставил задачу совершения террористических актов над руководителями партии и советского правительства.

На допросе 1 июня 1937 г. Вайсберг показал, что им в УФТИ была создана контрреволюционная группа в составе Хоутерманса Фрица, Руэмманна Мартина, Руэмманн

Варвары, Хоутерманс Шарлотты. Кроме указанных лиц, из числа иностранцев, близких к этой группе, стояли Вайсельберг Конрад и Тисса, работавшие в УФТИ, но не вошедшие и организационно не связанные с указанной правой группой. Копия данного протокола имеется в деле по обвинению Вайсельберга Конрада Бернардовича и соответствует подлиннику. Других каких-либо показаний на Вайсельберга Вайсберг не дал. Однако на допросе 28 мая 1939 года и на последующих допросах Вайсберг от данных им ранее показаний о своей контрреволюционной деятельности и контрреволюционной деятельности названных им лиц отказался полностью, заявив: «Данные мною показания я не подтверждаю и они не соответствуют действительности. Разногласий с программами Компартий Австрии и Германии у меня никогда не было. Показания я дал в силу психического состояния и действия камерной обстановки».

«Мои показания от 1 июня 1937 года также не соответствуют действительности и я их не подтверждаю. Показания мною даны под влиянием камерной обстановки... Я никого из иностранцев в контрреволюционную группу не привлекал и никаких разногласий у меня с мероприятиями совгосударства не было».

На допросе 11 июня 1939 года Вайсбергу было предъявлено обвинение по ст.ст. 54-6, ч.1 и 54-11 УК УССР. Обвиняемый Вайсберг заявил: «Виновным в предъявленном обвинении мне по ст.ст. 54-6 ч.1 и 54-11 УК УССР себя не признаю».

31 декабря 1939 года особое совещание при НКВД СССР приняло по делу следующее решение: «Вайсберга Александра Семёновича как нежелательного иностранца, выдворить из пределов Союза ССР».

Справка составлена в связи с пересмотром следдела на Вайсельберга Конрада Бернардовича. Архивно-следственное дело хранится в КГБ при СМ СССР.

ст. следователь следотдела УКГБ при СМ УССР Харьковской обл.

*Гаврюшин
29.12.1958 года.*

Постановление

г. Харьков 4 марта 1937 года.

Я, нач. 2 отделения III отдела ст. лейтенант Тышковский, рассмотрев следственные материалы по обвинению гр. Вайсельберга Конрада Бернардовича 1905 года рождения, уроженца г. Бырлада (Румыния), австрийца, гражданина СССР, работает в качестве на-

учного сотрудника Углекимического института в г. Харьков, беспартийный, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54—41, 54—11, выразившихся в том, что он прибыл в Советский Союз в 1934 году с целью ведения подрывной работы против СССР и в своей преступной деятельности был связан с рядом других лиц

НАШЁЛ:

установлено, что Вайсельберг прибыл в СССР в 1934 году с целью ведения подрывной работы против Советского Союза. В своей преступной деятельности был связан с рядом других лиц

ПОСТАНОВИЛ:

привлечь Вайсельберга Конрада Бернардовича к ответственности по ст. ст. 54—41, 54—11, о чём сообщить прокурору.

Избрать мерой пресечения... содержание под стражей.

Тышковский

Арров

Шумский

Постановление мне объявлено.
Вайсельберг, 11.03.37.

4 марта 1937г.

Я, замоблпрокурора Харьковской области Вазонов, рассмотрев материалы, представленные 3 отделом УГБ ХОУ о контрреволюционной фашистской вредительской деятельности Вайсельберга К.Б., научного сотрудника Углекимического института в Харькове,

НАШЁЛ:

По делу собрано достаточно данных, изобличающих Вайсельберга в антигосударственной деятельности.

ПОСТАНОВИЛ:

Ходатайство удовлетворить, санкционировать арест Вайсельберга К.Б.

Ордер № 231

*выдан 4 марта 1937 года
действителен на 2 суток*

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД СССР мл. лейтенанту госбезопасности Дрешеру поручается произвести обыск и арест г-на Вайсельберга Конрада Бернардовича, проживающего в гор. Харькове по ул. Чайковского, д. 16, кв. 8.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное

содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Начальник УНКВД по Харьк. обл. капитан госбезопасности

подпись (неразборчиво)

Начальник отд. УГБ Харьк. обл. упр. НКВД лейтенант госбезопасности

подпись (неразборчиво)

Анкета арестованного

1. Фамилия: Вайсельберг
2. Имя и отчество: Конрад Бернардович
3. Дата рождения: число 25, октябрь 1905 года
4. Место рождения: гор. Бырлад, Румыния
5. Адрес: Харьков, Чайковского 16, кв. 8
6. Профессия и специальность: химик
7. Место службы и должность: научный сотрудник УФТИ в Харькове
8. Паспорт выдан:
9. Соц. происхождение: отец купец, имеет свою лесную торговлю в Вене
10. Соц. положение: до революции учился, до 30 года работал
11. Образование: высшее
12. Партийность: беспартийный, был членом социал-демократической партии Австрии с начала 1934 года до июля 1934 года, член КПГ
13. Национальность: гр. СССР, еврей из Австрии
14. Категория воинского учёта:
15. Служба в белых и др. армиях:
16. Каким репрессиям подвергался при советской власти:
17. Состав семьи: жена Анна Давыдовна Микало, 24 года, сын Александр

4 марта 1937 года

Протокол допроса Вайсельберга К.В.

9.03.1937

Вопрос: Изложите подробно Вашу биографию.

Ответ: Родился в 1905 году в г. Бырлад (Румыния) в семье крупного лесоторговца. В семье нашей, кроме меня, был ещё один брат — старший и две сестры. Старший брат вместе с отцом занимался и занимается теперь лесоторговлей.

В 1907 г. семья наша переехала из г. Бырлада в г. Черновцы в Буковину (теперь Австрия).

В Черновцах я поступил в элементарную школу, но не окончил её, т.к. в 1914 г. при вступлении в Буковину русских войск вместе с семьёй выехал в Вену. В Вене я закончил элементарную школу и поступил в среднее учебное заведение, которое окончил в 1925 году.

В 1922 году в г. Вене, занимаясь в средней школе, я вступил в спортивную организацию. Организация эта никаких политических целей не преследовала, занимаясь исключительно спортом.

Летом члены этой организации в организованном порядке выезжали в лагерь за город.

При одном из таких выездов в лагерь я познакомился летом с одним молодым человеком Хаимом Герфом, который вёл среди населения коммунистическую агитацию. Познакомившись с ним ближе, на предложение мне взять у него книгу «Азбука коммунизма» я книгу прочитал и вернул ему.

В это время в Вене существовало «Объединение коммунистических подпольщиков», в которое я и вступил в 1922 году.

Руководителем этого объединения в те годы была Геня Ланде (Геня Квинтер), которая теперь живёт в Москве. В этой организации я принимал активное участие до 1925 года.

В объединение школьников я вступил со своим товарищем Дейчем Густавом, теперь членом Коминтерна Австрии, сыном видного социалистического деятеля Австрии. Отец его в настоящее время генерал испанской армии.

Густав Дейч проживает в СССР в г. Ельце.

В 1933 году я приехал в СССР в качестве интуриста и в Харькове посетил своего старого товарища по «Объединению социалистических студентов» в г. Вене Вайсберга Александра Семёновича. Пробыв в Харькове и Москве 14 дней, я уехал обратно в Вену, договорившись предварительно с Вайсбергом и моей теперешней женой Микаловой Галиной Давыдовной о том, что они мне помогут приехать в СССР.

Вайсберг работал в УФТИ и моя настоящая жена помогала ему по хозяйству.

В июле 1934 г. я получил приглашение от Углекимического института приехать в Харьков. В августе 1936 года я перешёл из Углекиминститута на работу в УФТИ. В 1935 году я ездил в отпуск в Вену.

В январе 1937 года, когда я решил принять советское гражданство, я снова ездил на 14 дней в Вену для улаживания моих личных дел.

В феврале 1937 года было оформлено моё принятие советского гражданства.

С 1926 по 1930 г. я состоял членом «Шуцбунда» в Вене.

.....

Хочу добавить, что брат моей жены Григорий Микалов проживает в Москве, работает в НКВД, я лично с ним знаком.

Протокол допроса

16 марта 1937 года.

Допросил нач. 2 отделения 3 отдела

Тышковский

Вопрос: Когда и по каким причинам Вы приехали в Советский Союз?

Ответ: Впервые я приехал в Советский Союз из Австрии в мае 1933 года как интурист. Цель моей поездки — ознакомление с положением дел в Советском Союзе, с возможностью найти работу. Пробыл я тогда 14—16 дней, был в Москве и в Харькове. Вторично я приехал в Советский Союз в 1934 году в июле по приглашению Углекиминститута для работы в качестве научного сотрудника в Харьков.

Вопрос: Вы прибыли для работы в Углекиминститут по договору?

Ответ: Нет, не по договору. Меня пригласил директор института Майер.

Вопрос: Объясните подробнее Ваш приезд в Советский Союз.

Ответ: С 1932 года я состоял в переписке с моим приятелем, проживающим в Харькове, Вайсбергом Александром Семёновичем, которого я просил устроить меня на работу в СССР. В мае 1933 года я по этому поводу говорил с Вайсбергом лично, когда приезжал в Харьков из Австрии. Вайсберг, в свою очередь, говорил с Цукерманом — заместителем директора Углекиминститута, Штраллером — заведующим лабораторией этого же института, Майером — директором института и др.

Перед моим отъездом обратно в Австрию в 1933 г. Вайсберг обещал обеспечить мне работу в Советском Союзе. После приезда в Вену я продолжал переписку с Вайсбергом и совершенно неожиданно для меня в июне 1934 года получил от Майера приглашение приехать в Харьков.

Вопрос: По вопросу Вашего приезда в Советский Союз Вайсберг обращался к кому-либо в Москве?

Ответ: Обращался в Наркомтяжпром, но к кому — не знаю.

Вопрос: Вы всё время проживали на квартире у Вайсберга?

Ответ: Да, с момента приезда я всё время жил на квартире у Вайсберга. В своём приглашении Майер мне писал, что квартирой в Харькове я не буду обеспечен.

Вопрос: Какие люди из-за границы приезжали к Вам в Харьков?

Ответ: В 1936 году в Харьков приехал Плачек, чех по национальности, приятель Вайсберга. Он жил у нас на квартире пример-

но полтора месяца. Вместе с ним приехал Вайскопф Виктор, австриец из Копенгагена. Последний жил у нас дней 5 вместе с женой. В 1935 году к нам приехали два австрийца из Чехословакии, один из них Мозер, фамилию другого не помню, и жили у нас на квартире дней 10.

Вопрос: Кто такой Плачек?

Ответ: Плачек — известный физик, учился в Вене. Был во многих странах Европы и Америки. Познакомился с ним в 1933 году в Харькове, во время моего первого приезда в Советский Союз на квартире у Вайсберга. До 1934 года, до приезда в Советский Союз, Плачек жил в Копенгагене, где являлся ассистентом профессора Бора. Плачек приехал в Советский Союз для связи с советскими физиками.

Вопрос: Какой характер носила связь Плачека с Вайсбергом?

Ответ: Отношения между ними были приятельские. Они знакомы давно. Характер связи мне неизвестен.

Вопрос: Вам известны политические настроения Плачека?

Ответ: Мне кажется, что Плачек не принадлежал к какой-либо партии. Во всяком случае он об этом никогда не говорил. Как-то однажды Плачек мне сказал, что процесс над троцкистами советским правительством инсценирован и что агрессия Германии направлена вовсе не на Советский Союз, а на Францию. Примечательно также, что Плачек говорил, что он имел в Москве свидание с Бухариным. О характере этого свидания он ничего не говорил, однако я понял, что между ними какие-то личные взаимоотношения. Разговор с Бухариным был ещё в то время, когда он был редактором «Известий». Я хочу добавить, что Плачека мало знаю и не могу судить о его какой-либо антигосударственной деятельности в Советском Союзе.

Вопрос: О троцкистском процессе Плачек говорил только с Вами?

Ответ: Я не могу сейчас точно вспомнить, но как-то Рузманн и Хоутерманс мне говорили, что Плачек им также говорил, что процесс над троцкистами инсценирован.

Вопрос: Вайсберг знал о политических настроениях Плачека?

Ответ: В таком разрезе, как я об этом показывал, безусловно, знал.

Вопрос: Что Вам рассказывал Плачек о работе троцкистов за границей?

Ответ: На эту тему у меня с ним никакой беседы не было.

Вопрос: После отъезда Плачека Вы имели с ним переписку?

Ответ: Когда Плачек уехал из Харькова в Москву, я ему отправил туда письмо личного характера, в котором я просил Плачека, чтобы он из Копенгагена написал моему отцу в Вену, что я в течение 6 месяцев без работы, что у меня есть намерение поехать в Вену вместе с женой и там устроиться на работу.

Вопрос: Зачем Вам понадобился такой путь связи с отцом, Вы разве не могли написать об этом лично из Харькова?

Ответ: Мне было известно, что австрийцы проверяют все письма, идущие из Советского Союза. Мне бы не хотелось, чтобы австрийские власти знали, в каком я очутился положении и о моём намерении вернуться обратно в Вену.

Вопрос: Вы уклоняетесь от дачи правительственных показаний. Укажите, зачем Вам понадобился такой способ связи с отцом?

Ответ: Я настаиваю на своих показаниях, никаких других целей я не преследовал.

Вопрос: Когда Вы писали Плачеку в Москву?

Ответ: В первых числах января 1937 года.

Вопрос: Почему Вы остались без работы в том учреждении, где работали?

Ответ: 15 августа 1936 года меня уволили из Углекиминститута по собственному желанию, причём это было формально, фактически по сокращению. После увольнения я работал в УФТИ в качестве консультанта, штатной работы у меня не было, а в декабре заработка в УФТИ прекратились, и у меня не было никаких перспектив. Тогда я и написал Плачеку. Вскоре после моего письма я получил временную работу в Химуглестрое.

Вопрос: Вы получили ответ от отца?

Ответ: Нет, ответа на письмо я от отца не получил. Плачек из Москвы мне ответил, что он просьбу выполнит и напишет из Копенгагена обо мне отцу.

Вопрос: Вы всегда таким способом переписывались с отцом?

Ответ: Нет, это было впервые.

Вопрос: Сколько раз Вы были в Австрии после вашего вторичного приезда в СССР.

Ответ: 2 раза. Первый раз в августе 1935 г., я использовал свой тарифный отпуск и выехал в Австро-Венгрию. Вторично я поехал в Австрию в январе 1936 года для устройства своих личных дел в связи с тем, что я имел намерение принять советское гражданство.

Вопрос: Какие у Вас были встречи в Австрии во время Вашего проживания там в августе 1935 и в январе 1936 года?

Ответ: Встречи у меня были только с моими знакомыми. Софициальными лицами у меня никаких встреч не было.

Вопрос: Где Вы получали паспорт на выезд за границу?

Ответ: Летом 1935 года австрийские власти получили распоряжение, что все лица, выезжающие за границу, должны обязательно регистрировать паспорта в полиции. После своего отпуска я обратился в полицию, и там мне продлили срок действия паспорта до 1940 года. Когда я вторично был в Австрии в 1936 году, мне в полиции в городе Вене дали визу для выезда в Советский Союз.

Вопрос: Когда и где Вы впервые получили паспорт для выезда за границу?

Ответ: Я впервые получил паспорт для выезда за границу в 1925 году, когда ехал в Италию. С этим паспортом в 1926 году я собирался ехать в Афины (Греция), однако в Триесте этот паспорт у меня украли. Украли паспорт один белый эмигрант, которого впоследствии арестовали. Фамилии его я не знаю, он был арестован в Вене за кражу. Последний раз я получил паспорт для выезда за границу, кажется, в 1930 году, сейчас точно не помню.

Вопрос: В Австрийском посольстве в Москве Вы были?

Ответ: Нет, никогда, у меня паспорт, как я Вам показывал, был действителен до 1940 года.

Вопрос: Германское консульство в Харькове Вы посещали?

Ответ: Нет, Германское консульство я никогда не посещал.

Вопрос: У Вас есть знакомые среди чиновников дипломатического представительства в СССР?

Ответ: Нет, таких знакомых у меня нет.

Протокол мною прочитан, с моих слов записан верно (подпись)

Допросил *Тышковский.*

Протокол допроса Вайсельберга

20 марта 1937 года

(Опускаем всё о пребывании Вайсельберга в Австрии)

Вопрос: Почему Вы уехали из Австрии, имея там хорошую работу и работая в партии?

Ответ: У меня, как у еврея, не было там перспектив и, кроме того, я боялся ареста.

Вопрос: С какой целью приезжал Плачек в Советский Союз?

Ответ: Плачек приезжал встретиться с советскими физиками — Ландау, Френкелем, Таммом, Бекем.

Вопрос: Где жил Плачек в Харькове?

Ответ: Жил Плачек в нашей квартире у Вайсберга, хотя УФИ предоставлял ему комнату в общежитии.

Вопрос: С какой целью приезжал в СССР Вайскопф?

Ответ: С той же, что и Плачек. Жил в нашей квартире. Вайскопф был моим хорошим знакомым ещё со студенческих лет — мы вместе учились. С тех пор его знает и Вайсберг.

Вопрос: Что Вам известно о связях Вайсберга с Ратайчиком?

Ответ: Что Вайсберг один раз был у него в Москве по делам ОСГО.

Протокол допроса

22 марта 1937 года

Вопрос: Вы имели работу в Австрии до своего отъезда в СССР?

Ответ: Я работал в Дренинге, близ Вены на нефтяном заводе «Кредител майнер».

Вопрос: Сколько Вы зарабатывали?

Ответ: Я получал 250 шиллингов в месяц. Вообще я материально был обеспечен, так как мой отец, богатый человек, мне помогал.

Вопрос: В Ваших прежних показаниях указано, что с 1932 года Вы состояли членом Социал-демократической партии Австрии, а также что Вы вступили в 1933 году в Коммунистическую партию Австрии. Уточните время Вашего вступления в компартию.

Ответ: В Компартию Австрии я вступил в декабре 1933 года, а в Социал-демократической партии Австрии я состоял до этого времени.

Вопрос: Какую работу выполняли Вы в Компартии Австрии?

Ответ: Я организовал ячейку на заводе, на котором работал, являлся там функционером, поддерживал связь с центральными органами Компартии Австрии, снабжал ячейку агитационным материалом.

Вопрос: Когда именно Вы приехали в СССР?

Ответ: В СССР я приехал 18 июля 1934 года.

Вопрос: Вы имели разрешение Компартии Австрии на выезд в СССР?

Ответ: Нет, в СССР я уехал, не успев об этом известить Компартию Австрии. Уехал безразрешения.

Вопрос: Таким образом, Вы приехали в СССР, хотя имели в Австрии работу, самовольно бросив партийную работу, которую Вы вели. Дайте правдивые показания о мотивах Вашего отъезда в СССР.

Ответ: Я хотел приехать в Советский Союз, так как я еврей, социалист и у меня не было перспектив для научной работы в Австрии. В 1934 году к этому прибавилось ещё и то, что я уже показывал. У меня дважды происходили обыски, следовательно, полиция уже знала о моей коммунистической деятельности. Я был уверен, что ещё через два-три месяца меня арестуют. В силу этого я приехал в Советский Союз, полагая, что через австрийскую компартию смогу получить санкцию на свой отъезд. Я не был знаком с существующей в партии дисциплиной. Полагаю, что таким своим отъездом я оказался вне рядов Коммунистической партии Австрии.

Вопрос: С какой целью приезжал в Советский Союз Плачек?

Ответ: В СССР Плачек, как уже я показывал, прибыл в 1933 году и в 1936 году. В обоих случаях он был в связях с крупными советскими физиками. Он посетил Френкеля, Тамма и Бека.

Вопрос: Где жил Плачек во время своих приездов в Харьков?

Ответ: Жил Плачек в нашей квартире, фактически у Вайсберга, хотя УФИ предоставлял ему комнату в общежитии.

Вопрос: Вайсберг давно знаком с Плачком?

Ответ: Точно когда произошло знакомство Вайсберга с Плачком я не знаю, во всяком случае где-то за границей ещё до приезда Плачека в 1933 году.

Вопрос: С какой целью приезжал в СССР Вайскопф?

Ответ: Вайскопф приезжал с той же целью, что и Плачек. Жили также в нашей квартире. Вайскопф является моим хорошим знакомым ещё по студенческим годам. Мы вместе учились.

Вопрос: С какой целью приезжал в СССР Мозер и его товарищ?

Ответ: Мозер и его товарищ, имени его я не помню, жили у Вайсберга. Цели приезда я не знаю. Мозер бывший социал-демократ. Находился в эмиграции в Чехословакии. Как говорил мне Вайсберг, они приезжали в СССР для переговоров с Коминтерном о переходе их в эту компартию.

Вопрос: Что Вам известно о главном инженере ОСГО Цукермане и о его взаимоотношениях с Вайсбергом?

О т в е т: О Цукермане я знаю лишь то, что до переезда на работу в Харьков он работал в Лисичанске. Когда был принят на работу в ОСГО, я не знаю. У Цукермана с Вайсбергом были служебные отношения. Цукерман приходил на квартиру к Вайсбергу и вёл с ним исключительно служебные беседы.

В о п р о с: Что Вам известно о взаимоотношениях Цукермана с Пушиным?

О т в е т: Об этом мне ничего неизвестно. Фамилию Пушин я услышал впервые лишь на процессе. Вайсберг мне говорил, что он один или два раза был у Пушина в Москве по служебным делам, что он произвёл на Вайсберга впечатление симпатичного человека и что Вайсберг не может себе представить, что Пушин участвовал в таких делах, о которых пишут в газетах.

В о п р о с: Что Вам известно о взаимоотношениях Вайсберга с Ратайчиком?

О т в е т: Мне Вайсберг говорил, что он один раз был у Ратайчика по делам ОСГО. Разговор был в связи с процессом и Вайсберг мне говорил, что тогда Ратайчик произвёл на него несимпатичное впечатление.

Показания записаны верно (подпись)

Протокол допроса

22 марта 1937 года

В о п р о с: Что Вам известно о партийной работе Вайсберга до его приезда в СССР?

О т в е т: Частично со слов самого Вайсберга, частично со слов проживающей в Москве Герлих Гертруды, живёт в Пушкино, её муж Герлих Карл работает там на фабрике, член КПГ, известно, что Вайсберг, Хоутерманс и Эдгар вели в Германии экономическую разведку в пользу СССР. Хотя благодаря какой-то неловкости Вайсберга он подлежал аресту в Германии, но скрылся и вскоре уехал в СССР приблизительно в середине 1931 года. Эдгар переехал в Харьков. Остался Хоутерманс, который пару раз обедал у нас. Таким образом, я тоже с ним познакомился. Об Эдгаре Вайсберг мне говорил, что он живёт в Москве, работает в советской разведывательной организации, названия не говорил, и что от этой организации ездит за границу. Со слов Вайсберга мне также известно, что Эдгар несколько месяцев тому назад снова уезжал за границу. Однажды нам с Вайсбергом пришёл пакет из Вены. Вайсберг сказал, что этот пакет предназначен для Эдгара, который в Вене арестован под вымышленной фамилией. У него там есть какая-то женщина, у которой остались вещи Эдгара и с которой он теперь ведёт переписку.

Протокол допроса

5 апреля 1937 года

В о п р о с: Расскажите подробно, какие антисоветские разговоры вёл Плачек?

О т в е т: Плачек, главным образом, говорил о том, что процесс Каменева, Зиновьева является инсценированным, что обвинители изобличили себя, так как им давали какие-то наркотические средства. Разговор об этом Плачек вёл в весьма резкой форме, причём не только со мной, с Вайсбергом, но и с широким кругом других лиц. Эти контрреволюционные разговоры Плачек вёл в присутствии Руэмманна, Хоутерманса и жён их и в присутствии одного из коммунистов УФТИ. Вайскопф приехал в отсутствие Вайсберга и сделал в моём присутствии выговор Плачеку, чтобы он прекратил вести подобные разговоры, так как дело может принять огласку и будут неприятности. Как-то Плачек вёл разговоры о том, что агрессия Германии направлена не против СССР, а против Франции. Всё, что говорил Плачек, говорилось в присутствии Вайсберга.

В о п р о с: Жил ли на Вашей квартире Плачек в свой последний приезд в декабре 1936 года?

О т в е т: После возвращения Вайсберга из Москвы Плачек на один-два дня переселился в общежитие института, но потом снова возвратился в нашу квартиру.

В о п р о с: Не было ли других причин перехода Плачека в общежитие?

О т в е т: Других причин, я уверен, не было. Это объясняется только тем, что Плачек не хотел стеснять нас. Вайсберг не имел ничего против того, чтобы он снова вернулся в нашу квартиру.

В о п р о с: Предлагал ли Вайсберг Плачеку оставить вашу квартиру из-за того, что Плачек вёл антисоветские разговоры?

О т в е т: Нет, Вайсберг лишь сделал замечание Плачеку об антисоветских разговорах, сказал Плачеку прекратить такие разговоры, а то он должен будет выселить его из нашей квартиры. Но Плачек оставил нашу квартиру временно.

В о п р о с: Когда Плачек рассказывал о своём посещении Бухарина?

О т в е т: Через несколько дней после своего приезда в Харьков, в декабре 1936 года Плачек рассказал мне, что по пути в Харьков он был в Москве и посетил Бухарина. С какой целью Плачек посетил Бухарина — мне он не говорил, но у меня сложилось впечатление, что Плачек знал Бухарина ещё до своего приезда в СССР. Плачек сказал мне, что он бесе-

довал с Бухариным обитальянском фашизме. Я помню, что при этом разговоре с Плачеком присутствовало третье лицо, но был ли это Вайсберг или кто-то другой я сейчас вспомнить не могу.

В о п р о с: С кем встречался Плачек, будучи в Харькове?

О т в е т: Плачек встречался, главным образом, с работниками УФТИ, профессором Ландау, как у него в УФТИ, так и у нас на квартире, с группой учеников Ландау, кроме этого, встречался с Розенквичем. Насколько мне известно, он имел с ним какие-то встречи. Плачек встречался со всей группой инспециалистов УФТИ.

Протокол допроса
7 июня 1937 года

В о п р о с: Следствие располагает данными о Вашей причастности к контрреволюционной правой группе в УФТИ, созданной Вайсбергом.

О т в е т: Я никогда не состоял ни в какой контрреволюционной группе и о существовании такой группы мне ничего неизвестно.

В о п р о с: Вы утверждаете, что никогда не состояли членом контрреволюционной группы?

О т в е т: Да, утверждаю.

В о п р о с: Вы также утверждаете, что в УФТИ Вайсбергом не была создана контрреволюционная группа?

О т в е т: Да, в этом я уверен, такой группы не существовало.

Обвинительное заключение
к следделу № 6805 по обвинению
Вайсльберга Конрада Бернардовича по
статьям 54—4, 54—6, 54—11 УК УССР

3 отдел УГБ Харьковского управления НКВД располагал данными о том, что научный сотрудник Украинского физико-технического института Вайсльберг К.Б. является участником троцкистской вредительской организации, существовавшей в УФТИ и занимавшейся шпионской деятельностью. На этом основании Вайсльберг был арестован и привлечён к ответственности. Произведенным по делу следствием установлено: Вайсльберг, сын крупного лесоторговца в Австрии, с 1922 по 25 год член буржуазной молодёжной организации «Полатфиндер», с 1925 по 1928 год член объединения социалистических студентов, с 1928 по 1934 год член социал-демократической организации Австрии. В СССР прибыл в 1934 году, советское гражданство принял в 1937 году. По приезде из Австрии в СССР в 1934 году Вайсльберг связался с известным

ему по Австрии австрийским подданным Вайсбергом (арестован), изблечённым агентом германской разведки. По показаниям арестованного в Запорожье троцкиста Андерса, Вайсльберг являлся участником контрреволюционной группы инспециалистов в УФТИ. Группу возглавлял шпион Вайсберг. Вайсберг в своих показаниях подтвердил о существовании контрреволюционной группы инспециалистов, указав, что Вайсльберг близко примыкал к этой группе. Вайсльберг лично показал, что участвовал в контрреволюционных беседах с приехавшим в СССР троцкистом физиком Плачеком, который делился с ним о его связях с Бухариным. По заявлению германского разведчика Фомина (арестован), Вайсльберг состоял в организации, осуществлявшей шпионаж в пользу Германии и вёл разведывательную работу в Углекимическом институте в период его работы там. Вайсльберг признал только участие в антисоветских разговорах с физиком троцкистом Плачеком; как участник контрреволюционной группы обличается показаниями Андерса и, частично, показаниями Вайсльберга, как германский шпион — показаниями Фомина.

На основании изложенного обвиняется Вайсльберг Конрад Бернардович, 1905 года рождения, г. Бурлад (Румыния), еврей, сын крупного лесоторговца в Австрии, беспартийный, гражданин СССР. С 1922 по 1925 год — член буржуазной молодёжной организации, с 1928 года — член объединения социалистических студентов, с 1928 по 1934 г. — член Социал-демократической партии Австрии, до ареста работал научным сотрудником в УФТИ, в том, что являлся участником троцкистской организации и занимался шпионской деятельностью, т.е. в преступлениях, предусмотренных по статьям 54—4, 54—6, 54—11 УК УССР

П О С Т А Н О В И Л :

следделу 6805 по обвинению Вайсльберга К.Б. по указанным статьям направить в управление ГУБ НКВД согласно приказу 0485 НКВД СССР.

Оперуполномоченный *Вайсбанд*

С о г л а с е н : зам. начальника 3 отдела
УГБ капитан госбезопасности

Торнуев

У т в е р ж д а ю : врид военпрокурора
ХВО военюрист первого ранга

Завялов

Постановление

г. Харьков, ноября 9 дня 1937 года.

Я, о/у 3 отд. ХОУ НКВД серж. госбез. Вайсбанд, рассмотрев следственное дело № 9411 по обвинению Вайсльберга А. С. и Вайсль-

берга К.Б. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-6, 54-11, 54-7 УК УССР, нашёл, что материалами следствия Вайсельберг К.Б. достаточно изобличён в контрреволюционной деятельности и что следствие в отношении его закончено.

П О С Т А Н О В И Л :

Следственный материал в отношении Вайсельберга К.Б. из следдела № 9411 выделить в отдельное производство для предания его суду.

Вайсбанд

Согласен: зам. нач. 3 отд УГБ капитан
Торнуев

Выписка

**из протокола № 13 решения наркома
внутренних дел СССР генерального комиссара
госбезопасности т. Ежова и прокурора
СССР т. Вышинского 28.10.37**

С л у ш а л и : материалы на обвиняемых, представленные управлением НКВД по Харьковской области в порядке приказа НКВД СССР № 00485 от 11.08.37 года

П о с т а н о в и л и : Вайсельберга Конрада Бернардовича расстрелять

*Ежов,
Вышинский*

В е р н о : оперуполномоченный
Янжелович

Решение комиссии НКВД и Прокуратуры СССР в отношении К. Б. Вайсельберга приведено в исполнение 16 декабря 1937 года. Только спустя 20 с лишним лет, в 1959 году, это постановление Трибуналом Киевского военного округа было отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. К. Б. Вайсельберг был реабилитирован посмертно.

Приведем текст заключения по его архивно-следственному делу от 17.04.1959 года.

Я, старший следователь следотдела УГБ при СМ УССР по Харьковской области капитан Гаврюшин, рассмотрев материалы проверки архивно-следственного дела № 24289 по обвинению Вайсельберга К.Б. 1905 г.р., уроженца Румынии, еврея, гражданина СССР, беспартийного с высшим образованием,

Н А Ш Ё Л :

Вайсельберг арестован НКВД по Харьковской области 4 марта 1937 года, 28 октября того же года осуждён НКВД и Прокурором СССР к высшей мере наказания. Это решение приведено в исполнение. По обвинительному заключению Вайсельбергу вменялось в вину то, что он прибыл как политиммигрант в 1934 году из Австрии в СССР, установил преступную связь с агентом германской разведки Вайсбергом, вошёл в контрреволюционную группировку, возглавляемую Вайсбергом. Произведенной по делу проверкой установлено, что Вайсельберг был осуждён в 1937 году необоснованно по следующим мотивам: как видно из материалов дела, обвиняемый Вайсельберг виновным себя не признал и всё обвинение основывалось на неконкретных и сомнительных показаниях арестованных по другим делам Фомина и Андерса. Фомин и Андерс-Кон показали, что якобы Вайсельберг входил в контрреволюционную группировку, которую возглавлял Вайсберг. Из материалов по архивно-следственному делу по обвинению Вайсберга видно, что он вначале виновным себя признал, заявив, что Хоутерманс завербовал его для шпионской деятельности в пользу Германии. Но на допросах в 1939 году он полностью отказался от данных им показаний. Хоутерманс, проходящий по показаниям Фомина и Андерса-Кона, также виновным себя не признал. КГБ по Харьковской области также никаких компрометирующих материалов в отношении Вайсельберга не имеет. По сообщению Центрального государственного архива, Вайсельберг Конрад, доктор химии, значится в секретном списке, составленном аппаратом главного управления Имперской госбезопасности Германии, как лицо, представляющее серьёзную опасность для фашистской Германии и с точки зрения госбезопасности Германии подлежит аресту. Проверкой сведений о принадлежности Вайсельберга к агентуре немецких разведорганов не добыто. Из материалов дела видно, что следствие велось НКВД по Харьковской области с нарушением социалистической законности, обвинение Вайсельбергу не предъявлялось и с материалом оконченного следствия обвиняемый ознакомлен не был. На основании изложенного полагал бы:

Войти с ходатайством перед судебными органами об отмене решения НКВД и Прокурора СССР от 28 октября 1937 года в отношении Вайсельберга К.Б. и прекращении дела на него.

*Гаврюшенко,
Самаркин*